

Янина Логвин

ЗИМНИЙ СОН
МАЛИНКИ

БОЛЕЕ 1 000 000 ПРОЧТЕНИЙ

Янина Логвин
Зимний сон малинки
Серия «Логвин: лучшие книги»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51369059

Зимний сон малинки: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-118741-5

Аннотация

Все знают, что под Новый год случаются настоящие чудеса. Вот и Маше Малинкиной, кажется, улыбнулась удача найти работу своей мечты. Вот только в начальники ей достался бывший одноклассник, зануда и сноб Димка Гордеев. И пусть он умудрился ее «забыть», ставит палки в колеса и нагло эксплуатирует, она ни за что не уволится! До лампочки Маше мнение этого гордеца! ...Но почему он так странно напоминает ей мужчину из зимних снов?

Янина Логвин

Зимний сон малинки

© Логвин Янина, текст

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Он шел ко мне – мужчина моей мечты, выплывал из золотого тумана – сильный и красивый, как Бог! На груди блестели капли влаги, широких плеч касались волнистые пряди, а с загорелых бедер вот-вот готово было сорваться белоснежное полотенце.

От такой красоты я млела и все никак не могла шагнуть навстречу. Темные глаза смотрели прямо в душу.

– Маша...

Господи, боже мой! А голос-то какой! Глубокий, чувственный, с бархатными нотками. Толпа мурашек восхищенно ахнула и дружной гурьбой пронеслась по коже.

– Ну наконец-то ты моя!

– Да!

Мы протянули друг к другу руки, золотой туман расступился, и я затаила дыхание. Сейчас, вот сейчас я увижу его лицо и, кажется, кое-что отдам...

Шмяк! В мое собственное лицо прилетела подушка, и ча-

ры тут же рассеялись.

– А-а! Маруська! Полундра! Свистать всех наверх! Вставай, соня, мы проспали!

– А? Что? Где?!

Мой принц из снов отступил в туман, а я разлепила глаза и села в постели. Нашупав рукой телефон, поднесла к лицу.

Черный экран даже не мигнул – села батарея. Зато мигнула я, увидев расположение стрелок на настенных часах – семь пятнадцать утра. Сколько?! Это в котором же часу мы с Наташкой легли спать, если она приехала ко мне в десять вечера вся в слезах и с бутылкой мартини? Кажется, около трех. А если учесть, что на работе нужно быть в восемь как штык, то получается...

Нифига не получается.

Я упала на подушку и закрыла глаза...

– Да Машка же, чтоб тебя! Вечером додрыхнешь!

...но тут же взвилась с постели и понеслась по квартире.

Караул! Точно проспала! И это в тот день, когда, можно сказать, решается моя судьба!

– А-а-а! Феякина, я тебя укою! Не могла со своим Жорой в субботу расстаться! У меня же сегодня собеседование с новым начальством!

Мимо пронесся такой же лохматый смерч.

– Ну, Малинкина, прости! Я же не специально!

Моя лучшая подруга – Наташка Феякина, с которой мы всю жизнь не разлей вода, уже успела соскочить с раскладно-

го кресла, на котором спала, и унести в ванную. Правильно! В доме, где живут три человека, а ты гость – свято место надо забивать первым!

Я кинулась к детской, распахнула двери и позвала:

– Малинки! Подъем! Мы проспали! Быстро чистить зубы, умываться и в детский сад! Лапустики, – взмолилась, кидаясь к кроваткам и тормоша деток. Целуя их в заспанные щечки. – Я правда очень и очень опаздываю! И если вашу маму не возьмут на новую работу, то не видать нам новый телевизор, как своих ушей! И вкусняшек не лопать, понимаете?

Дети понимали, да еще как! С вкусняшек и стоило начинать!

Малыши завозились и бусинками скатились с постелей. Затолкались друг об дружку, натягивая колготки.

– Эй, Лешка, это мои, отдай!

– А вот и нет! Мои!

Дашка еще глаза не успела открыть как следует, а уже удивилась, как настоящая маленькая женщина:

– Розовые?!

Розовые колготы Лешка надевать не захотел и отчаянно взвыл:

– Ма-ам! – остановив меня на полпути к туалету.

Да твою ж петрушку! Пришлось бежать обратно и помогать пацану. Заодно и свитерки натянула. Расчесала темно-волосые головки, завязала Дашке кисточки-хвостики. Кое-как, конечно, завязала, но опоздание на работу совершенно

не способствует наведению красоты! Умница-дочка даже не пискнула.

– Дальше сами! И смотрите мне, носки не забудьте надеть! И комбинезоны не перепутайте! Я проверю!

– Хорошо, мам! – ответили хором и снова затолкались у шкафа.

Мы с Наташкой точно так же толкались в соседней комнате, затем в прихожей, стараясь и сами не перепутать, где чьи колготки и сумки. В итоге в дверях все дружно застряли, чуть не помяв Лешкин пластиковый «Камаз».

Лифт ждать не стали, с четвертого этажа скатились мячиками. Слава богу, Наташка приехала на машине и, увидев на стоянке ее крошку «Дэу Матиз», Дашка скомандовала:

– На старт, внимание, марш! Кто последний, тот редиска! Ма-ам, догоняй!

– Вот же хитрюга! – возмутилась моя полненькая подруга и старательно заработала пятками, но мы уже и сами неслись к «Дэу»-шке, кто первый.

Детский сад находился от дома на расстоянии в две автобусные остановки. Не очень удобно, но зато сад был хороший, новый, с танцевальным кружком и дежурной группой, и детям нравился. Передав малышей с рук на руки воспитательнице, я помчалась назад к машине, прыгая по снегу и льдистому насту, как горная коза по санной трассе. Вот тебе и первое декабря – зима! Хорошо, что Наташка, как настоящая проштрафившаяся подруга, не бросила меня в беде, а

вызвалась подвести до работы. Работала она парикмахером в известном в городе салоне красоты «Бомонд», в самом центре, неподалеку от моего нового офиса, и мы обе надеялись не опоздать.

– Поднажми, Машка!

Едва я добежала до машины и впрыгнула внутрь, как Наташка нажала на педаль газа и сорвалась с места.

– Феечка, ты, конечно, шумахер, – вжалась я затылком в сидение, – но если мы куда-нибудь врежемся, и я не попаду на работу, я тебя прикончу! Ты же вчера больше моего выпила!

– Так я и закусывала больше твоего. Не дрейфь, Малина, у меня есть опыт, а у шанса – семь минут. Домчим! – уверенно вцепилась в руль подруга. – Лучше пристегнись и губы покрась, а то выглядишь, как монашка после ночи тантрического секса.

– Что, так же развратно и дико? – я удивленно и не без надежды на чудо сунула мордочку в зеркало заднего вида.

Нет, ну а что? Не просто же так мне снятся сны странного содержания?

Лицо как лицо. Ну, ресницы не успела накрасить и выющиеся волосы уложить утюжком. Пришлось скрутить их – густые и длинные – в непослушный пучок на затылке, а сверху нахлобучить шапку. А так очень даже обычно. Пуховичок, платице (так себе) и дешевенькие сапожки на каблук. Среднестатистический представитель районного офис-

ного планктона с такой зарплатой, что сумму лучше никому не озвучивать, чтобы люди из жалости не обрыдались. Не звезда. Хм, и даже близко не около.

А ведь когда-то я считалась симпатичной девчонкой. Мальчишки стайками бегали. Но разве могла я смотреть на кого-то, когда у меня был Кирилл?

Ужас! Я ахнула. Достав из сумочки помаду, в панике мазнула по губам, похлопала себя ладошками по бледным щекам и пригладила пальцем брови. И чем я только думала, когда спала, как сурок, до последнего?! Мне же сегодня кастинг на профпригодность проходить! Где внешность – не последнее дело!

– Вот-вот! – подлила в огонь масла Наташка. – Так же разочарованно и уныло!

Ну и ладно! Чем расстраиваться, дуть губы и обижаться по пустякам, пока мы едем, лучше расскажу немного о себе.

Хотя рассказывать-то особо и нечего, но раз уж вы заглянули в мою историю, думаю, мне следует представиться.

Итак, зовут меня Маша Малинкина и живу я в обычном спальном районе крупного областного центра в заурядной маленькой двушке. Мне двадцать четыре года, у меня нет мужа, уже нет работы, но зато есть двое чудесных детей пяти лет. Двойняшки Лешка и Дашка. И знаете, такие у меня карапузы хорошие, вот всем на зависть, что никого мне больше не нужно. Хватит, обожглась. Да так, что до сих пор по-

лыхает. Точнее, чувств-то давно нет, один пепел, а вот жизненный урок остался.

Маленькая двухкомнатная квартира досталась мне в наследство от родителей. Еще шесть лет назад жили мы в ней всей семьей – я, мама и папа. Хорошо жили, дружно, а потом папа умер – сердечный приступ. Утром был человек, а вечером не стало, и остались мы с мамой вдвоем, как две былинки. Я тогда как раз училась на втором курсе университета и собралась было перевестись на заочный, чтобы помочь маме с работой, но оказалось, что помогать нужно мне.

Я помню растерянное лицо мамы и по-житейски спокойное бабули – она у нас по жизни командир, дед ее до сих пор слушается.

– Мам, поверить не могу. А люди-то что скажут? – и вопрос этот своей маме задала не я. – Ведь восемнадцать лет только. Обожглась и считай вся жизнь наперекосяк. Эх, был бы жив Петя, он бы этого Кирилла заставил жениться!

– Я не хочу!

– Цыц, Маруська! – а это уже бабушка. И снова к маме:

– Тебе не все одно, что скажут?! Иные люди, как худые собаки: не придумают, так сбредут! Маруся наша первая, что ли? Ты в каком веке живешь, Люська? В двадцать первом! Здесь каждый сидит за своим забором. Почешут языками и забудут. А Машка, если сейчас уговоришь ее, тебе после не простит! Видишь, как рогом уперлась: рожать буду. Да и не сирота она у нас. Мы с дедом поможем. Девчонка она лад-

ная, все равно одна не останется. Твоя бабушка нас после войны шестерых подняла без кормильца. И ничего, все людьми выросли. А тут одно дитё – вырастим, Люсь! Дед вон уже слезу довольную пустил – внушка-то единственная и любимая.

Но детей оказалось двое – настоящий сюрприз. Я помню, как боялась выйти из кабинета УЗИ и признаться маме. Все топталась у порога. А когда вышла, мама только охнула и руками рот прикрыла: что тут поделаешь? А бабуля выдала: «Ну так не шестеро же, Люська! Не реви, поднимем! Это в Машке наша кровь взыграла. Я ведь тоже из двойни»

В общем, на заочный я все-таки перевелась и институт закончила. Кое-как, но диплом инженера получила. Четыре года прожила в деревне, навещаясь в город на сессии да праздники, а год назад и вовсе вернулась с детьми. Ну, не в деревне же их растить? А тут и мама вышла замуж за Николая Ивановича и переехала к нему в соседний спальный район.

У бабушки, конечно, хорошо, но детям общение нужно – сад, кружки, школа. Лешка у меня настоящий мужичок – дай волю, он бы с дедом в его стареньком жигуленке и жил вместе с удочками, а Дашка – маленькая барышня. Ей танцы подавай и подружек с куклами.

Любознательные они, мои ягодки-малинки. И ведь похожи на меня – тоже синеглазые и улыбчивые. Правда, головки потемнее, но тут уж ничего не поделать – разве с природой поспоришь?

А вот с человеком можно. Даже нужно. Особенно с тем, кого раньше любил, а теперь... Нет, не ненавидишь, а просто до такой степени он тебя разочаровал однажды, что перестал существовать. Словно его ластиком из жизни стерли – фьють! И Чистое место! И можно жить дальше почти припеваючи.

Еще бы работу хорошую получить!

Да и вообще, время прошло и полегче стало – душа, если и не отогрелась, то оттаяла. Снова научилась людям в глаза смотреть. Вон, даже сны странного содержания сниться стали. Перины там всякие и мужчина в золотом тумане с бесстыжими намеками. Как будто ему в этом тумане только Маруси для полного счастья и не хватает!

Эх, но до чего же хорош!

«Дэу»-шка взвизгнула тормозными колодками и остановилась у высокого офисного здания, клюнув носом.

– Приехали! – рывкнула Наташка. – Вылезай, Малина!

А когда я выскочила из салона и понеслась к широкому крыльцу, Феечка открыла дверцу, высунулась вслед и заорала:

– Удачи, Машка! Чтоб тебе на новом месте отработать лет так двести. Ни пуха! К черту! Но пасаран, подруга! – затрясла над головой кулаком. – О-оле, оле-оле-оле-е-е, Маруська чемпион! Ки-ия! Банзай! Ура-а-а! Вань-суй!!

– Кто-о?! – я споткнулась и заскользила на льдистой корке

каблуком. Ноги чуть не разъехались в повороте. – Чего куда суй?!

Спешащий ко входу народ тоже заспотыкался и раззявил рты.

– Феякина, с ума сошла?! – я зашипела и незаметно покрутила у виска пальцем. – А ну, кыш отсюда, алкашня!

Наташка нырнула в машину и виновато вякнула: «Ну все, я поехала». И умчалась.

А я вздохнула, сняла с плеча сумку, поправила шапку и потопала к проходной.

«8:00»

Ой! Не потопала. Побежала!

Здесь снова следует сделать маленькое отступление, чтобы разъяснить вам, как я, без году неделя инженер, оказалась в этом новеньком здании компании «ГБГ-проект» (Гарант Бизнес Групп проект) – высоком, красивом и неприлично современном. С центральным лифтом, как в голливудских фильмах, вертушкой, буфетом, спортзалом для сотрудников, пропусками и охраной на входе.

Господи, неужели на свете есть счастливые люди, которые не носят с собой на работу термоски?! Оказалось, что да!

Так вот, когда я год назад вернулась из деревни со своими малинками, я твердо знала, что мне нужна работа. Время прошло, дети подросли, а значит, пришла пора самостоятельно встать на ноги. В школе я училась неплохо, всегда была сообразительной, и желание самореализации, конечно, на

время утихло, но по-настоящему никогда меня не покидало.

Однако встать на эти самые ноги и найти работу оказалось не так-то просто. При всём выборе вакансий и предложений никто не стремился брать в штат неопытного сотрудника, да еще и с малолетними детьми. А в центре занятости перспективы прозвучали такие, что, честное слово, захотелось снова уехать в деревню, залезть в огород, и закидать эти перспективы коровьими лепешками.

И ходила бы я так еще долго и нудно, обивая пороги и посматривая в сторону центрального рынка (ну а что? Не устраюсь по специальности, пойду апельсинами торговать! Не я первая, не я последняя!), если бы с работой не помог Николай Иванович – новый мамин муж.

Вообще-то Николай Иванович мужик добрый. Папу он мне, конечно, никогда не заменит, но к маме относится хорошо, к детям тоже, без дела не сидит – он автомеханик с тридцатилетним стажем. Мама с ним за последний год так расцвела, словно вторую молодость обрела! А мне чего еще надо?

Бабуля посмотрела на их свидания и махнула рукой: «Да пусть себе вошкаются, перезрелки! Зато тебе, Маруся, свобода».

Ну, а я что? Я согласна: пусть.

Специальность у меня непростая, но интересная: «Гидравлические машины, гидроприводы и пневмоавтоматика». Инженер-гидравлик я. Университет у нас по этой части в го-

роде имелся очень серьезный, а предприятия и вовсе с громкими именами, известными на всю страну, со словами «газ» и «нефть» в корне. Не знаю, чем я думала, когда подавала в этот университет документы, но скорее всего влюбленной головой, потому что учиться в нем оказалось непросто, в программе преобладали технические предметы, и поступали на специальность в основном мальчишки.

Так вот, я продолжаю. Выхлопотал мне отчим по своим каналам место инженера в небольшой частной организации «СНиПТехПромГаз». Почему газ, за год работы я понять не смогла, как и ни разу не увидела в лицо гендиректора, но имя фирмы звучало солидно (чего не сказать о зарплате и премиях), а в моей трудовой книжке появилась первая гордая запись об официальном трудоустройстве.

Штат отдела состоял из восьми человек, располагался в старой конторе, и занимались мы тем, что оформляли проектную и эксплуатационную документацию частным лицам (это для отчета налоговой), а на самом же деле отслеживали тендерные предложения на рынке спецоборудования. Выискивали информацию о подрядах, об участниках, конкурентах и условиях. Можно сказать, под сенью неприметной конторы занимались неявным профессиональным шпионажем, а затем сливали информацию конкурентам.

Нет, конечно же, информацию сливали не мы – сотрудники фирмы, а тот самый гендиректор, которого никто из нас в глаза не видел. Но все мы люди взрослые и всё понимали. И

потом, если не ради заработка на конкурентах, то напрашивается вопрос: ради чего все это существовало?

Но, как говорится, на каждого хитромудрого умника найдется умник еще мудрее. А на каждую спину – свой ивовый прут. И руки возмездия дотянулись-таки до «СНиПТехПромГаза» и перекрыли последнему вентиль на вход и выход. В конце концов настал тот день, когда мы вышли на работу, а наш ведущий инженер Жанна Арнольдовна Девятко, женщина обстоятельная и серьезная, собрала весь отдел и голосом Левитана объявила:

– Девочки, я должна вас всех расстроить! Нас с вами упраздняют и сливают!

– А мальчиков? – резонно поинтересовался единственный мужчина в коллективе Юрка Шляпкин, двадцативосьмилетний холостяк. – Извиняюсь, куда?

Жанночка вздохнула и уже нормальным тоном добавила:

– И мальчиков туда же. Через отдел кадров и, как вариант, по собственному желанию на выход. Я только что узнала, что с первого декабря нашу организацию ждет официальное слияние с компанией «ГБГ-проект».

Что?! Вот это новость!

На последних словах мы все замерли, словно голодные мыши при появлении кота с куском сыра во рту. И вроде бежать надо, но еще неизвестно, кто кого – всем кушать хочется! Нет, оно-то понятно, и дело это обычное – мелкую фирму проглотила более крупная рыба. Но твою ж зеленую пет-

рушку! Рыба-то оказалась зубастая и набитая красной икрой. Вот нафиг мы ей?

«ГБГ-проект» – шутка ли! Да они на работу инженеров из-за границы приглашают! Все лучшие тендерные предложения, все лучшие проекты за последние пять лет – их! Уж нам ли не знать? К ним устроиться почти нереально! И теперь, значит, фирму они проглотили, а нас куда? На биржу?!

– А еще варианты есть? Кроме как «по собственному»? – нервно кашлянул в кулак и возмутился Юрка. – Что за фигня вообще? И почему распускают персонал? Между прочим, мы здесь все квалифицированные инженеры, а не покурить пришли. Плюс, у народа праздники впереди! Елка, баня, Новый год. Да у меня договор на эксплуатацию в разработке, заказчиком уже аванс оплачен! Нет, я не согласен самоустраиваться. Пусть и персонал забирают, им что, жалко? Каких-то несчастных восемь человек! Я слышал, там зарплата – ...сот условных единиц! Если что, я и курьером поработать готов.

В этом месте глаза у всех засверкали – у кого от зависти, а у кого от слез. Я вспомнила свою наличность в кошельке и совсем раскисла. Это что же, получается, мне снова работу надо искать?! Перед глазами встал рынок и апельсины.

Жанна Арнольдовна покусала губы, поправила прическу, подергала сумочку, взяла, да и закурила прямо на месте. Смачно так затянулась, выпустив дым из ноздрей.

И Юрка закурил. И девчонки. А я посмотрела... и с горя

яблоко схватила – стала грызть.

– Ребята, я вас всех уважаю, все вы у меня молодцы, а потому не стану скрывать, – призналась Девятко. – Перспектива получить работу в «ГБГ-проекте» все же есть, но шанс невелик!

– То есть? – напрягся Юрка.

– Я говорила с их главным. Они не отказываются взять наших инженеров, но...

– Но? – выдохнули мы хором.

– Готовы взять троих. И только в новый отдел! К штату сотрудников компания подходит очень требовательно, так что кастинг на профпригодность нас ожидает серьезный!

Вот потому я и бежала сейчас сломя голову в новое здание, перепрыгивая через ступеньку и протискиваясь сквозь народ, спешащий на работу. Я очень, просто очень-очень боялась опоздать! И не важно, что еще вчера при мысли о собеседовании у меня тряслись поджилки и потели ладони. Сегодняшнее утро просто не оставило времени сомнениям!

Собеседование назначили на восемь утра, и на наш удивленный вопрос: «Почему так рано? Да еще и в понедельник?» Жанна Арнольдовна ответила: «Потому что люди в «ГБГ – проекте» не воробьев по веткам считают, как некоторые, а работу работают. Будут они тратить на нас свое пиковое время. Кому не нравится, может не приходить. Да и вообще, откуда я знаю?»

– Здравствуйте! Я из «СНиПТехПромГаза»! Можно мне временный пропуск, пожалуйста? – обратилась я к суровому с виду охраннику. И улыбнуться не забыла. – А вы не знаете, наши уже все пришли?

– Не знаю, – буркнул в усы мужчина, даже не заметив моей улыбки. Вот что значит серьезная фирма!

– А, ну и ладно. Извините. А мне куда?

– А вам куда сказали?

– В кабинет технического директора!

– Значит, на третий этаж, – махнул он рукой, – там располагается руководство. Можете воспользоваться лифтом. Пойдите, девушка!

Но я уже развернулась и неслась к лестнице...

– Спасибо, я пешком!

Пока не впечаталась лбом в чье-то плечо.

– Эй, осторожнее! – сумочка выпала из рук, и пришлось наклониться. Оглянулась вслед мужчине, который только что прошел мимо, направляясь через красивый вестибюль к лифту. Точнее, пролетел. Весь со спины важный и дорогой, как гусь. И даже пропуск охране не предъявил.

Интересно, если бы я была в вечернем платье и при параде, он бы задержался, чтобы мне помочь?

Эх, и что за утро такое сумасшедшее? Все торопятся, бегут.

Я тоже повернулась и поспешила к лестнице, на ходу снимая шапку и расстегивая пуховик. Вот попой чувствую,

именно в такие моменты в жизни и случается что-нибудь особенное!

Все-таки желание улучшить свое материальное положение – сильнейший стимул для человека! «8:02» утра, а наши уже все собрались в широкой приемной «ГБГ-проекта» и сейчас топтались у кабинетов начальства, пока секретарь – девица неопределенного возраста с бешеными кудрями на голове, не выдержав, встала из-за стола и не рассадила всех гуськом вдоль стенок. Еще и шикнула строго, оглядев гоп-компанию взглядом курицы-наседки: потише, мол. Ишь, разгалделись!

А как не галдеть, когда тут судьба, понимаешь ли, висит на волоске? А вокруг такая перспектива, что смотришь и понимаешь: вот оно, будущее! И новый телевизор, и вкусняшки, и отдых у моря. А ты стоишь на станции «Зюзюкино» в растянутых трениках, держишь ногу на педали старого велосипеда, и смотришь, как мимо пролетает новенький экспресс «Вена-Париж». Э-эх!

Еще раньше Жанна Арнольдовна объяснила всем, что разговаривать с нами пожелал сам технический директор. Что на собеседовании будут присутствовать парочка ГИПов (главных инженеров проектов), начальник отдела кадров и секретарь генерального. Но на деле народу оказалось вдвое больше. Во-первых, под приемной мы прождали почти два часа (уж не знаю, зачем они нас к восьми согнали), а во-вто-

рых, мы узнали, что на десять у технического назначено важное совещание (странные люди!). Вот под это совещание нас мимоходом и стали приглашать в кабинет по одному.

Я как раз заглянула в туалет, когда, вернувшись, обнаружила отсутствие Жанны Арнольдовны. По шепоткам наших поняла, что в кабинете технического народу прибавилось.

– Началось, Машка! Девятко вызвали! Интересно, долго они ее будут му... – но договорить Шляпкин не успел.

Наш бывший ведущий инженер вышла из кабинета белая, как стена, обвела всех трагическим взглядом, и жестом велела заходить следующему.

– Ну, как? – мы с Юркой припали к бывшей начальнице, пока наши девчонки ринулись в бой. – Вас взяли?!

– А черт их знает, давно я так не волновалась. Курить хочу! – только и сказала Арнольдовна, подошла к столу секретарши, сгрэбла из вазы горсть леденцов и потопала себе к лестнице.

Ну, ясно же: стресс у человека. Мы с Юркой дружно показали изумленной девице в кудрях зубы, переглянулись и снова уселись у стеночки. Затопали носками сапог о пол – правым-левым; правым-левым, пока дверь снова не открылась.

– Ну, чего там? Что сказали?! – спросила я у Валечки Галаниной, когда та, вся пунцовая и взмокшая, вышла из кабинета и привалилась приличной попой к двери.

– Фу-ух! – закатила глазки. – Сказали, что позвонят.

– И все? – я разочарованно подняла брови.

– Угу, – девушка виновато улыбнулась. – Кажется, я их не впечатлила.

– Ты-то?! – раззявили мы со Шляпкиным рты.

Валечка проработала в «СНиПТехПромГазе» пять лет. Инженером она слыла не ахти каким, но девушкой была милой и симпатичной, а главное, с такой впечатляющей грудью шестого размера, что даже я сейчас уставилась в ее покрытое пятнами, «дыщащее» декольте.

А Юрка и вовсе сглотнул.

Ну, все! Спета моя песенка, как пить дать! Если я до этого еще тряслась и переживала, то тут перестала. Что мой один год стажа против пяти Галаниной? О груди вообще промолчу.

Нет, грудь-то у меня тоже имелась, своя собственная, и такая, что показать не стыдно. Но в том-то и дело, что Валечка свою показала, а разговора за дверью хватило на три минуты. И пусть я в конторе трудилась за двоих, брала работу на дом и, по словам Арнольдовны, обладала редким видом интуиции – конструктивной... Надо уметь смотреть правде в глаза. Не нужны мы им здесь, и все тут!

Осталось только техническому узнать из моего резюме о детях, и потопают Малинкина прямым маршрутом на выход.

– Машка, иди уже! Мы вдвоем остались, – Шляпкин вздохнул и подтолкнул меня к двери.

– Юр, а может, лучше ты? Что-то мне уже и не хочется.

Юрка приосанился и пробурчал.

– Не дрейфь! Я тебя с тыла прикрою, как мужик!

Мужик был тощим, мелким, с цыплячьим кадыком и жидким хвостиком. Но зато челюсти сжал у-у-ух! Настоящий то-реадор! Ему бы красную тряпку в руки да острую пику, и можно запускать к техническому.

Я вдруг представила эту картину и нервно хихикнула. А, была ни была! Что я, в конце-то концов, теряю?

– Ну, если как мужик... Тогда пошла я, Шляпкин! – посмотрела на своего вчерашнего коллегу и хлопнула Юрку по плечу: – Ладно, ни пуха!

Ого! Народец-то в кабинете и впрямь подсобрался. Да и сам кабинет размером, как вся наша контора. За длинным рабочим столом сидели человек двенадцать. Во главе, надо понимать, сидел сам технический директор (простыми словами – главный инженер всего «ГБГ-проект») – солидный такой дядька лет пятидесяти с двумя подбородками и в очках. А впрочем, они все здесь выглядели солидно – даже две дамы. Но я не стала их рассматривать.

– Здравствуйте! Можно? – для приличия секунду потопталась у порога и вошла. Встала аккуратно на середину ковра.

– Здравствуйте, девушка. Как ваша фамилия? – спросил важный дядька, листая папку-скоросшиватель, надо понимать, с подборкой резюме. – Вы что же, к нам сразу после университета?

Блиин, убью Наташку! С Жориком на пару! Вот что значит отсутствие вменяемой прически и макияжа!

– Не совсем. Университет я закончила два года назад, в фирме «СНиПТехПромГаз» проработала инженером год. А фамилия моя Малинкина.

– Малинкина, значит... – дядька наконец-то нашел мое резюме и пробежал по нему взглядом. Вздернул удивленно кончик брови, прежде чем поднять на меня глаза.

Все ясно. Прочитал про моих малинок. Я продолжала смотреть на директора, решив, что мне стыдиться нечего. Можно подумать, дети – это приговор.

Да! Они у меня есть! И, между прочим, не болеют никогда!

Ну, практически никогда. Не считая простуды, соплей и разных вирусов.

Тут я решила не сглазить и трижды сплюнула про себя. И все три раза на лысину технического. Тот, словно почувствовав, достал носовой платок и утерся. Взглянул с легкой укоризной – я даже покраснела слегка. Вспомнив малышей, обещанные вкусняшки и телевизор, выдохнула, уверенно озвучила свою специальность и стала перечислять боевые заслуги. Ну, не покурить же я сюда зашла?

– ...Занималась разработкой и оформлением эксплуатационной документации, а так же участвовала в проектах, которые вел отдел.

– Основной профиль вашей работы за последние месяцы?

Врать не стала:

– Изучала тендерный рынок. Его характеристики, основных участников, предложения и пошаговые схемы участия в коммерческих торгах – в основном спецификацию интересных проектов и эффективность закупок.

– Так сказать, консолидировали закрытую информацию?

– Не всегда закрытую, но да. Можно и так сказать.

– А если я спрошу вас непосредственно о проектировании?

– Я отвечу, что мне это очень интересно! – тут же нашлась.

– Скажите, Мария, если взять во внимание весь ваш коллектив, кого бы из своих сотрудников вы рекомендовали нам взять на работу? Назовите двоих, пожалуйста.

Я подумала и ответила:

– Девятко и Шляпкин. Они лучшие.

– А вы? – и такой взгляд из-за очков подленький, с хитрецей.

Все ясно. Отбрить решили. А сейчас, видимо, ждут начала шоу «Ну, возьмите меня!». Что ж, каждый развлекается по-своему. Видать, ради самоутверждения инженеров «ГБГ-проект» нас всех сюда и позвали. Смешные мы для них.

А вот и фигурки вам! Я поправила волосы и вздернула подбородок.

– А я стану лучшей. Скоро! Мне просто нужно время, – ответила, и платице простенькое нервно на боках поправила.

– Слышал, Дима? – мужчина цокнул по столу колпачком дорогой ручки. – Не только за границей есть самоуверенные инженеры. Как видишь, у нас их тоже хватает. Х-ха, – он хохотнул, – скоро, значит. Я бы сказал, Малинкина, что такими темпами добывания секретной информации вы скоро станете хакером, а не инженером!

Скорее всего, я бы прямо тут же ушла. Нет, ну ясно же, что уже конец фильма. Если бы не услышала сбоку от себя громкий хмык. Пренебрежительный такой и обидный.

Это что еще за важная шишка?

Я нахмурилась и повернулась, приготовившись держать удар... Но вместо этого удивленно воскликнула, увидев за столом бывшего одноклассника:

– Димка Гордеев?! Ты, что ли?! – я не видела парня почти шесть лет, с тех самых пор, как он, окончив первый курс университета, уехал учиться за границу, и почему-то обрадовалась. – Димка, надо же. Ничего себе, как ты возмужал! – удивилась. – И волосы отрастил. У тебя же всегда был ежик!

Рядом недовольно откашлялась секретарь генерального, и я очнулась. Объяснила:

– Извините. Просто я не ожидала встретить здесь, в главном офисе «Гаранта», своего одноклассника.

– Дмитрий, неужели вы знакомы с этой девушкой? – спросила одна из важных дамочек, с ухмылкой глядя на мою глупую улыбку.

Мы-то? Ну, конечно знакомы! Неужели не понятно по мо-

ей довольной рожце?! Еще как знакомы! Фух! Даже от сердца отлегло. Апельсины исчезли, и перед глазами снова замаячило счастливое будущее, в которых сидим мы – я и мои малинки – перед широченным телевизором и уплетаем горы сладостей!

Вот сейчас Димка скажет, что да, и меня... они меня...

Ой, а вдруг они меня сейчас и правда на работу возьмут?!

Гордеев невозмутимо отвернулся и воззрился на технического и дамочку.

Я улыбалась. За плечами порхали крылышки...

– Нет. Первый раз вижу.

Крылышки схлопнулись, подбородок отвис, а улыбка прокисла.

– Что? Как в первый раз? Дим, ты чего? Это же я, Малинкина! – изумилась. – Мы же с тобой всю начальную школу за одной партой сидели. Ты мне еще списывать не давал и обзывал Малиной!

Верите, я растерялась. Конечно, прошло целых шесть лет, и многие из наших одноклассников раздобрели, как, например, Родик Яшин, или похудели, как Оля Кизилова, но все равно остались своими ребятами. Ну, не настолько же сильно я изменилась за это время, чтобы меня нельзя было узнать? Я не поправилась (не считая стратегических мест), не сменила цвет волос, даже стрижку не сделала! Тогда почему?

Гордеев вскинул руку, дотянулся до графина и невозмутимо наполнил водой высокий стакан, демонстрируя на за-

пьястье блеск дорогих часов и белоснежную манжету рубашки. Выпил медленно, так и не взглянув на меня. Компания за столом затихла и наострила уши, а я...

А я поняла, как нелепо выгляжу со стороны, и почувствовала, что стремительно краснею. И не только от стыда.

Ах ты ж га-ад. Гусь перепончатый. Индюк павлинозадый. Но как же неприятно разочаровываться в человеке.

А впрочем, разочаровываться ли? Мы никогда и не были друзьями, а теперь уже точно не будем. Люди меняются, а вот Гордеев нет. Как был в школе гордецом и снобом, так им и остался!

– Действительно, ошиблась, надо же, – заставила себя натянуто улыбнуться честному собранию. – Теперь вижу: нет, не Гордеев, и даже ни разу не Димка. Видимо, от волнения показалось.

– Хм, вы уверены?

– Мой бывший одноклассник – жуткий зануда. У него еще в школе полностью отсутствовало чувство юмора. А ваш сотрудник такой юморист! Обхохочешься! Простите, как вас зовут? – обратилась к техническому.

– Вадим Спиридонович, – ответил мужчина.

– Вы правы, Вадим Спиридонович. У меня отлично получается добывать информацию по тендерам. Нюх на сделки, знаете ли. И пожалуй я действительно подумаю о карьере хакера. Спасибо! Всем до свидания! Рада была увидеть «ГБГ-проект» изнутри.

– Ну как, Машка? Чего так долго-то? Взяли?! – длинный нос засланил обзор.

У меня дрожала нижняя губа и тряслись руки. И, кажется, даже слезы выступили. Я кое-как влезла в пуховичок и натянула шапку. Повесила на плечо сумку и только потом повернулась к Шляпкину.

– Ой, Юрка, они там такие... Такие!

– Какие?

– Да ну их в пень! Пошли лучше апельсины продавать, а?

– Куда?! Какие еще апельсины? – удивился Юрка.

– Испанские, конечно. На рынок. Говорят, там зарплата в два раза больше нашей. Сначала апельсины, а потом, быть может, нам и бананы доверят.

– Пошли, – согласился парень. – Только, Маш, я все же сначала загляну в кабинет, ладно? – попятился к двери спальной. – А вдруг мне повезет?!

Я только рукой махнула. Каждому хочется верить в счастье.

– Удачи.

Из бывших сотрудников в приемной никого не осталось, и я потопала на улицу. Охраннику уже не улыбалась, а вот он, словно чувствовал мое настроение, скалился в густые усы.

– Обязательно приходите к нам еще, девушка! Всегда рады!

Еще бы книксен изобразил – у-у, Карабас-Барабас стриженный! Смеется еще! Да что они тут все, сговорились,

что ли? Не компания мечты, а сплошной негатив-проект какой-то!

* * *

– Феечка, ты случайно не занята? Есть пять минут? Очень надо.

– А ты где, Марусь? Что, собеседование уже закончилось?

– Ага.

– Ну, и как все прошло?

Я не выдержала и хлюпнула носом в телефон.

– Да никак, Наташка. Никого они и не собирались брать. Так, посмеялись только. Я в кафешке напротив твоего «Бомонда». Пожалуйста, скажи, что у тебя есть минутка? Если я сейчас не выговорюсь, то разревусь!

– Так, отставить киснуть, Малина! Вчера я, сегодня ты. Что это за поветрие дурное?! Мы обе красивые девушки, вокруг нас жизнь бьет ключом. И да, иногда по голове! Но если предусмотрительно надеть каску, то вполне можно перенести удар и дать сдачи. Сейчас нафеечу клиентке краску на волосы и прибегу! Как раз полчасика будет!

Когда Наташка прибежала, я сидела за столиком над двумя чашками кофе-эспрессо, подперев кулаками щеки, и вспоминала Димку в школе, отказываясь понимать, почему он так поступил.

Да, мы не дружили, это правда. Да и сложно дружить с

тем, кто всю жизнь живет с задранным носом. Круглый отличник, лучший спортсмен, хорош собой. Кажется, уже тогда его отец был важной шишкой, потому что вещи у Димки были самые лучшие. Если бы он не строил из себя чванливого зубрилу и научился улыбаться, отбоя бы от девчонок не было. Хотя...

Кажется, отбоя от девчонок у него и так не было. Особенно в выпускном классе. Просто это я тот период жизни плохо помню. Тогда все мои мысли занимал Кирилл Мамлеев, который учился на класс старше, не давал мне проходу, и к моему выпускному классу уже успел поступить в университет.

А еще, помнится, Гордеев приходился Кириллу не то двоюродным, а не то троюродным братом. Вот только в школе они совсем не общались. И даже терпеть друг друга не могли. Но что, если все изменилось, и сейчас они дружат?

Так неужели это из-за Мамлеева он себя так повел? Но почему? Ведь я никогда и никаким боком их семью не беспокоила и не заслужила такого неуважения!

В общем, да. Я расстроилась.

– Ну, чего у тебя там, Малина, рассказывай! – Наташка вкатилась в кафешку модным коlobком и упала на стул. Растегнула дубленку. Вывалила на стол из кармана горсть шоколадных конфет.

Без конфет Феечка жить не могла, как кто-то без сигарет, и лопала их при любом удобном случае. Мои дети ее за эту слабость обожали, у нее всегда находились для них сладости

– в сумке, в карманах. А уж если мы попадали к ней домой... В общем, моим малинкам Наташка приходилась настоящей крестной феей.

– Бли-ин, Машка-а... Как у меня после мартини голова-то болит! – подруга прижала ладонь ко лбу и закрыла один глаз. – Больше никогда не буду пить эту дрянь литрами. Уж лучше отвертку! А все Жорик, обрзина, виноват!

Жорик был еще как виноват, тут я даже спорить не стала.

– Что, не звонил еще?

Наташка вздохнула и притянула к себе чашку эспresso. Хлебнула смачно.

– Уже раз десять звонил, только я трубку не беру. Говорю же – финита у нас с ним. Гейм овер ля комедия! На этот раз побили горшки окончательно. Надоело, Машка! Мужик должен быть мужиком, а не тюфяком. Мне неприятно это признавать, но Слеза Крокодиловна победила. Ай, ну их обоих в задницу! Сейчас пострадаю немного, зато дальше пойду по жизни счастливая и свободная. А может, меня там принц ждет на белом коне!

Я хмыкнула.

– Где *там-то*, Феечка?

– Где-то впереди, – неопределенно крутанула Наташка ладошкой в воздухе. – Неважно! А я тут буксую с каким-то Жориком Либерманом и его мамой. Нет, ну не ржач, Малина?

Какие бы неприятности не подстерегали меня в собствен-

ной жизни, в Наташкиной жизни они сейчас тоже омрачали горизонт, и это расстраивало. Подругу свою я любила, человеком она была хорошим, и я желала ей только счастья.

Да и Жорику, если честно, желала. Вообще-то, на мой взгляд, эти двое идеально подходили друг другу. Встречались они уже пять лет и наверняка бы давно поженились, если бы не одно веское и жирное «но».

Жоре Либерману стукнул тридцатник, и жил он с мамой. Не просто с мамой, а с Мамой с большой буквы. Ну, вы понимаете, да? Женщиной крепкой комплекции, но весьма слабого здоровья – Изольдой Моисеевной. Которую Феечка величала не иначе, как Слеза Крокодиловна.

Сына своего Крокодиловна очень любила и безумно ревновала к Наташке.

Врач-стоматолог, интеллигентный и тихий парень, на момент их с Феякиной знакомства Жорик оказался девственником, и первые три года отношений Феечку от матери скрывал, а когда до той дошли слухи, что ее Жорик путается с «парихмахершей» – случился жуткий скандал.

Женщины «случайно» встретились, и Наташка узнала о себе много нового. И все бы ничего, если бы Жорик заступился. Но вместо этого он ушел с мамой (точнее, она его «ушла»). А потом вернулся. Потом снова ушел. И снова вернулся...

При этом Наташку он действительно любил. В моменты их спокойной жизни варил подруге супчики, покупал подар-

ки и смотрел на Феечку, как Пигмалион на свою Галатею – с нежным обожанием. И вот последний факт, по моему скромному мнению, оказался для Крокодиловны пулей в сердце.

В общем, прошло пять лет, а Жорик так и не разобрался со своими женщинами. Когда он переезжал к Наташке, у мамы случался сердечный приступ – непременно с вызовом скорой помощи, капельницами и настойчивыми звонками сыну из больницы. Другой бы человек уже скончался, а Крокодиловна, стоило Жорику вернуться домой, чудесным образом воскресала из мертвых.

За последние два года эти приступы повторялись с завидной регулярностью, и вчера, когда в квартире подруги снова раздался звонок (как раз во время интима), у Феечки лопнуло терпение.

«Я проиграла. Выпьем же, Машка!

– За что? За нас?

– Конечно! А еще за то, чтобы слово «сука» применялось исключительно к четвероногим самкам домашней собаки!»

Вот так мы вчера и просидели с Феякиной до трех ночи в обнимку с мартини, а сегодня пришла моя очередь тяжело вздыхать.

– Ну, чего там было-то, Машка? В «ГБГ-проекте»? Рассказывай! Не хочу о Жорике говорить!

Ну, я и рассказала.

– Ну, не взяли, подумаешь! Жизнь на этом не закончилась! Ты сама говорила, что шанс устроиться мал. Поищем

что-нибудь! С чего расстроилась-то, Малина? Что-то на тебя не похоже.

– Ты не представляешь, кого я там сегодня встретила.

– И кого?

– Димку Гордеева.

Феечка как раз сунула в рот конфету и собралась культурно запить ее кофе, когда, услышав новость, чуть не подавилась, потому что пришлось все быстро глотать. В школе Гордеев ей очень нравился.

– Да ты что?! – раззявила Наташка рот. – Где?! Он же за границу уехал!

– Значит, уже вернулся. Встретила прямо в кабинете технического, на собеседовании. Сидел там важный, как жук.

– И что?

– И ничего. Представляешь, он меня не узнал.

Феечка расхохоталась, а я насупилась.

– Хорош ржать, Наташка. Я серьезно.

– Ой, не могу! Тебя-то?! – все еще не могла поверить подруга. – Не может быть, Малина! Ему что, память отшибло? Или жизнью контузило?

– Ничего ему не отшибло и все он прекрасно помнит. Но сказал, что видит первый раз.

И снова все-все рассказала. И даже про белоснежную манжету.

– Вот же га-а-ад! – проникнувшись, ахнула Наташка.

– Да козел, однозначно!

– Слушай, Машка, а каким он стал – Гордеев? Я же его со школы не видела. Ты помнишь, как он мне нравился? Я его даже на остановке караулила и в любви признавалась – классе в четвертом. Вот дура!

– Помню. А еще помню, что тебе нравились Логницкий, Юсупов и Деревянко. И всем им ты признавалась в любви.

– Не без того. Но по Гордееву я честно сохла дольше всех. У него были такие офигенные губы, м-м...

– Ну... Он стал толстым, лысым и косым хряком.

Феечка так ахнула, что чуть кофе не расплескала. Выпустила глаза.

– Не может быть?? Димка-то?!

Я вздохнула и призналась:

– Я бы очень хотела, Наташка, чтобы он таким стал.

– А на самом деле?

А на самом деле...

– Я его особо не успела рассмотреть. Но скорее всего он спортом занимается. Плечи – во! – и показала размер наглядно.

– Офигеть!

– Ага.

– Он в школе плаванием занимался и бегом, – кивнула подруга. – Я с ним в один бассейн ходила. Мы даже с вышки вместе ныряли. Только он рыбкой, а я бомбочкой.

– И волосы отрастил. Ты помнишь, у него всегда был ежик?

– Конечно.

– Так вот, теперь ежика нет.

– А что есть? – еще одна конфета исчезла за щекой Наташки.

– Шевелюра, как у молодого Бандераса. Ну, разве что немного короче.

– Да ну на!

– Ага. Я потому и удивилась, что Димка так изменился, и не сдержалась. А вообще, он за столом сидел. Может, у него там пузо, как два арбуза! И ноги покривели. Очень бы хотелось!

– Ой, что-то мне в это слабо верится, Машка, – усомнилась Феякина, и я с ней вынужденно согласилась.

– Феечка, да какая разница. Главное ведь, что я для него, как пыль! Понимаешь? В первый раз он меня видит! А мы ведь с ним четыре года вместе сидели. Я еще не забыла, как он мне карандаши точил. Вот как такое может быть, а? Не пойму.

Наташка помялась, но все-таки сказала:

– Слушай, Малина, а насчет их родства с Мамлеевым ты уже подумала? Может, это из-за Кирилла? Слухи-то ведь наверняка дошли.

– Подумала, – призналась, – но верить в это не хочу. А если даже и так – пошли они все! Малинки – мои!

– Вот да! Задом наперед и в глубокую «Ж»! И Гордеев туда же!

– И Гордеев!

Мы допили кофе, съели конфеты и на прощание чмокнулись в щеки.

Все-таки хорошо, что у меня есть Феечка!

* * *

Важный звонок застал уже дома. Я только-только забрала детей из детского сада и вошла в квартиру, Лешка и Дашка вовсю трещали о том, как прошел их день, привычно толкались возле меня и спорили, когда в сумке отозвался телефон.

Неизвестный номер. Вот не люблю на подобные звонки отвечать, но в голову пришла мысль: а вдруг беспокоят с прошлой работы? Нет, ну мало ли? А вдруг кто-то важный? А вдруг что-то срочное? А вдруг кто-то умирает, а я тут стою и думаю, отвечать или не отвечать!

Оказалось, что действительно с работы, вот только не с прошлой, а с будущей.

– Мария Малинкина? Вам удобно говорить?

Я стянула шапку и отложила ее в сторону.

– Да.

– Вас беспокоит организация «ГБГ-проект», секретарь отдела кадров, – женщина откашлялась и важно представилась. – Мы хотим сообщить, что сегодня вы успешно прошли собеседование и наша компания готова предложить вам место инженера в...

– А?

Дальше я слышала плохо.

– ...отделе... комплектации... на условиях... испытательного...

Нет, я, конечно, слушала, но не слышала и половины из того, о чем мне говорила секретарь, так бешено стучало сердце и туманилась голова.

Что она сейчас сказала? Они меня берут, что ли? Меня?! Это не сон?

– Мария, вы сможете завтра подойти в отдел кадров с документами и медицинской страховкой, если она у вас есть? Мы хотели бы как можно скорее подключить вас к рабочему проекту.

– Да.

– Извините, но вас плохо слышно.

– Да, конечно! Простите, а вы ничего не перепутали? Нет, ну мало ли.

* * *

– Алло! Наташка?! Ты сейчас умрешь!

На другом конце связи Феечка скептически фыркнула.

– Не дожدهшься, Малина! Где-то я похожую фразу уже слышала. Надеюсь, там дальше не про режиссера Яки-на и Гагры?

– Что? – я сейчас плохо воспринимала действительность

и в особенности дружеский сарказм Феечки. Мне хотелось кричать и прыгать.

– Наташка, меня берут! На работу в «ГБГ-проект»! Меня, представляешь! Инженером в какой-то новый отдел. Я толком ничего не поняла.

– Ну и чему ты удивляешься, Марусь? Значит, они там не такие дураки, как мы о них думали. Ты же голова! Поздравляю, подружка! Ура-а!

– Ура!!

– Ой, слушай! Как думаешь, а Гордеев-то удивится, когда узнает? – весело прыснула Наташка. – Так ему и надо! Я бы еще и язык Димке при случае показала!

– Да ты что! Наверняка мы с ним даже видеться не будем, – уверенно заявила я. – Там здание в восемь этажей и куча отделов! А если даже и увидимся – да пожалуйста! Мне не жалко! Лично я его теперь знать не знаю, и даже «здрас-ти» не скажу! Нужен он мне. Гусь!

Оказалось, что технический директор не шутил, и из наших на работу взяли четверых. Меня, Шляпкина, Валю Галанину и Жанну Арнольдовну Девятко. Правда, Девятко попала в главный конструкторский отдел – опыт позволял, а вот нас троих определили в новый, созданный всего полгода назад, отдел комплектации оборудования – «ОКО № 2»...

– Под начало очень перспективного молодого инженера, получившего прекрасное образование и стажировку за рубе-

жом! – гордо сообщила нам милейшая женщина из отдела кадров, и добавила. – И кадры в этот отдел нашей компании подбираются молодые и перспективные! Так что не подведите, ребята!

Ой, мы не подведем! Мы так не подведем, что работе мало не покажется! Тушите пыл, пожарные, зажигалки идут! Ну и все такое.

И вот сейчас мы втроем стояли в красивом кабинете плечом к плечу, и меня очень сильно смущал тот факт, что на дорогой двери из ясеня красовалась не менее презентабельная табличка с надписью: «Начальник отдела Гордеев Дмитрий Александрович».

Тот самый Димка Гордеев, которого я так надеялась не видеть, не встречать и не замечать больше никогда в своей жизни. Нет, ну не засада ли?

Этого не может быть. Просто не может быть, и все! Еще пять минут назад я так радовалась, что готова была идти в светлый офис своей мечты вприпрыжку, а сейчас стояла и смотрела куда угодно, но только не на бывшего одноклассника.

Вот задница!

– Всем здравствуйте, я Дмитрий Александрович, ваш новый начальник и временно ведущей инженер отдела. Рад познакомиться, – Гордеев, одетый в белую рубашку и брюки, поднялся из-за стола, за которым сидел, и вышел нам навстречу. Протянул Юрке руку, и тот с удовольствием ее по-

жал.

– Здрасти! А я Юрий Шляпкин! Инженер-технарь! Ух ты! – Юрка оглянулся и поднял кверху большой палец, рассматривая кабинет. – Как у вас тут здорово! А это, кажется, дискусы и скалярии? – кивнул в сторону приличных размеров аквариума – метра на полтора, в котором плавали ярко-красные и серебристо-голубые рыбы величиной с ладошку ребенка. – Я в школе тоже рыбок разводил. Правда не таких красивых. Ха!

– Валентина Галанина, – при виде молодого начальника Валечка повела плечиками и скромно улыбнулась. Пожала кокетливо Гордееву руку и похлопала глазками, когда тот вырос перед ней. Вздохнув пышной грудью, трогательно приложила пальчики к неизменному декольте. – Ой, а уж я-то как рада! Это такой шанс! Так приятно, что вы остановили свой выбор на мне. Дмитрий Александрович, вы не представляете, какая это честь – работать инженером в вашей компании!

И она была права, мы все действительно были рады тому факту, что получили эту работу. Особенно, когда нам озвучили наш возможный оклад и перспективу приличных премий.

Гордеев кашлянул в кулак и, конечно же, ответил свысока...

Хотя нет, скорее уж просто прохладно. Я уже не помню, говорила ли вам, что этот парень даже школьником редко улыбался.

– Это не моя заслуга, Валентина. За то, что вы оказались здесь, вам стоит благодарить исключительно Вадима Спиридоновича. Это он в вас поверил. В своей оценке персонала он редко ошибается, так что я тоже авансом надеюсь на результат. Задачи и планы перед отделом стоят серьезные, конкуренция высока, а мне нужна сплоченная и сильная команда. Люди, с которыми я буду дышать одним воздухом и одними целями. Вам понятно? Другим со мной не по пути.

– Конечно, Дмитрий Александрович! Еще как понятно! – Валечка вытянулась по стойке смирно, выставив пред очи нового начальства мощную «хрудь». Щелкнула каблуками сапог, как солдат на плацу, отдавая честь генералу.

Само собой, это случайно вышло, но Гордеев умел мотивировать – факт.

Ого. Неужели у него всегда был вот такой вот спокойный и уверенный голос, от которого за воротник забирается колкая изморозь и становится не по себе? Сейчас даже я поежилась. Гордеев и в школе со всеми разговаривал так, словно стоял на ступеньку выше, но тогда нам куда легче было принять это за высокомерие и при случае высмеять.

А сейчас... Вон, даже Юрка подтянулся. А сначала небось стопроцентно подумал – молодой начальник, значит, дружан. Можно и о рыбках поговорить. А там и о девочках, выпивке. Или о чем там говорят молодые парни?

Да-да, я все еще помнила, что Гордеев старше меня всего лишь на восемь месяцев (в классе я была самой младшей),

хотя в данный момент в это верилось с трудом.

Гордеев сделал шаг в сторону и остановился передо мной, застыл в ожидании. Верная Валечка, расценив мое молчание за испуг, тихонько пихнула меня локтем в бок. Но я продолжала смотреть куда угодно, только не на Димку. Я еще помнила свое унижение и пока не решила, как мне себя вести.

Гордеев коротко оглянулся в сторону входной двери и позвал:

– Игорь! Зайди на минуту!

После того, как мы вошли в кабинет, дверь осталась открытой, и в нее тут же заглянул молодой мужчина – высокий и худой блондин лет тридцати.

– Да, Дмитрий Александрович? – он протиснулся в кабинет и остановился у порога. Поправил неловким движением узел галстука. – Слушаю.

Ну надо же, как Гордеев-то здесь всех вышколил. Интересно, ему тапки в зубах никто не приносит?

Но рассмотреть незнакомца как следует я не успела. Мой новый шеф уже дал команду своему подчиненному и новым работникам:

– Знакомьтесь, это Игорь Буряк, руководитель вашей группы. Игорь, покажи пожалуйста Юрию и Валентине их рабочие места и введи для начала в курс дела. А вы, Малинкина, задержитесь.

У Валечки от испуга глаза распахнулись – наверное, подумала, что меня прямо сейчас на улицу выставят. Нет, ну

а чего я стою и молчу вместо того, чтобы улыбаться, приседать и кланяться новому начальству в ноги – сама виновата! Разве я не в курсе, как устроен мир рабочей вертикали?

Но я не могла. Правда не могла, а не из вредности.

Когда все вышли, Гордеев прикрыл двери и вернулся. Остановился, сунув руки в карманы брюк и молча глядя на меня.

Нет, ну надо же, сколько внимания, и все мне одной. А помнится, в кабинете технического нос воротил.

– Я не стану с тобой здороваться, Гордеев. Я себе слово дала, понял?

Понял или нет, а Димка продолжал стоять всего в шаге. В этой тишине, когда прошло изумление, а голоса за стенкой стихли, до меня вдруг дотянулся аромат дорогого мужского парфюма. Очень приятный аромат, который щекочет ноздри женщины особым шиком, особенно на горячей коже. И который хочется запомнить.

Тыфу ты! Это что еще за мысли в голове нарисовались? Вот совершенно несвоевременные и неуместные! Да я и не думала ни о чем подобном никогда!

Я постаралась вызвать в памяти бабулин огород и телушку Нюрку, помахивающую в хлеву хвостом. Представила Гордеева с сапой в руке, отскребающего в стойле навоз, и сразу же полегчало. И никакого тебе извращенного перфекционизма!

– Как же мы будем вместе работать, Малинкина? У меня

на всех вас большие планы, что касается работы, конечно, – уточнил «начальник». – Надеюсь, ты так же высоко ценишь профессиональный комфорт команды, как и я?

Я все-таки посмотрела на своего бывшего одноклассника. Надо же, я уже успела забыть, какие глаза у Димки. Как же быстро летит время. Всего шесть лет, а я заново запоминаю их – светло-карие и холодные. А вот что за ними кроется, какие мысли – не понять. Всегда так было. Наверняка сейчас упивается своим положением, глядя на меня. Сноб!

– Не переживай, я не собираюсь вспоминать наше общее школьное прошлое и как-либо напрягать твой комфорт, – постаралась ответить бесстрастно. – В первый раз, так в первый раз. Просто считай, что у меня со словом «Здравствуй» проблема. Мне действительно нужна эта работа, так что обещаю отнестись к ней со всей ответственностью. На этот счет не сомневайся...тесь, Дмитрий Александрович. А сейчас, если можно, я бы хотела узнать, в чем будет состоять моя задача инженера и получить задание. Чем быстрее я к нему приступлю, тем меньше вы будете меня видеть.

Оказалось, что со сменой места работы лично для меня мало что изменилось в профессиональном плане. Разве что полномочия расширились, и появилась возможность интересоваться рынком коммерческих торгов и тендерными предложениями открыто и от имени фирмы, а не прикрываясь невнятными схемами, как это было в «СНИПТехПромГазе».

А это позволяло действовать куда смелее и нахрапистей – здесь мы с Юркой, чувствуя за спиной мощь «ГБГ-проекта» довольно потирали руки.

Отделу поступали заказы на оборудование (Гордеев обеспечивал), и наша задача (и моя в том числе) состояла в том, чтобы найти это оборудование, найти поставщиков, подготовить техническую и коммерческую документации и по возможности перехватить у конкурентов интересный тендер. Здесь «ГБГ-проект», как выяснилось, часто выступал посредником, оставляя за собой лишь наиболее выгодные предложения. И надо сказать, что нюх у шефа на эти предложения оказался исключительным.

В общем, в новую работу мы влились быстро и отдались ей с головой!

В отделе работали двенадцать инженеров, не считая начальника. Групп было три, по четыре человека в каждой. Все находились в одном огромном офисе, разьединенном невысокими перегородками, где у каждого имелся отдельный стол и компьютер, и центральным проходом, который как раз вел к двери в кабинет Гордеева. Так что Димку я видела каждый день, но оставалась верна своему слову и при его появлении в рабочем офисе неизменно роняла ручку, сумку, блокнот, ныряла за монитор и делала вид, что страшно занята поисками.

Сидела я за крайним столом у стены, в укромном уголке, и делать мне это было не очень трудно. Куда сложнее оказа-

лось не опаздывать на работу.

– Лешка, Дашка, просыпайтесь, сони! Господи, мы снова чуть не проспали! Пора в садик! – так начиналось каждое рабочее утро уже целый год, так что для малышей ничего не изменилось, а вот мне теперь предстояло каждый день проехать пять лишних остановок и совершить ежедневную пробежку по центру к проходной. А это означало подъем на двадцать минут раньше обычного.

– Ну, малинки же!

Просыпались мои дети так же, как все дети на свете: сначала поднимались горкой попы, вырастали из одеяла домики, и только потом открывались глаза.

– Эй, лапустики! Если мама опоздает на работу...

– То дядя начальник, который Гусь Лапчатый, и охранник Карабас-Барабас будут ее сильно ругать! – зевала умница-дочка, и я целовала ее в щечку.

– Точно!

– Ма-ам, а ты купишь мне киндер?

– Леш, не наглей, я же тебе два дня назад покупала.

– Ну, ма-ам! Я хочу Марвела Джоя или Зеленого робота!

А там был дурацкий смешарик!

– Мам, а я хочу маленького Санту!

– Так у тебя же был.

– А у меня его Лешка забрал! И потерял!

– И ничего я не брал. Ябеда!

– Сам ты ябеда! Мам, а почему он обзывается?

– Нет, ты первая!

И в два голоса:

– Ма-ам!

– Ладно-ладно, куплю, только одевайтесь скорее!

* * *

О наличии у шефа забулгорной невесты мы с Валечкой узнали на второй день.

В «Гаранте» имелась собственная столовая и буфеты, но оказалось, что половина нашего отдела обедала тут же, в подсобке, где в свою очередь имелись своя микроволновка, электрочайник и даже чудо-техники – новенькая и жутко дорогая кофе-машина. По слухам, ее купил Гордеев за свои кровные и подарил отделу в общее пользование, потому что без кофе жить не мог. В общем, на столовую у нас пока денег не было, и мы с Юркой и Вале́й быстро облюбовали подсобку.

Игорь тоже обедал с нами, а вместе с ним и третья девушка в отделе – грузинка Манана Эристави, приятная черноглазая болтушка. Ну а что за обедом делать коллективу, как не сплетничать о начальстве? Вот от нее-то мы и узнали, что наш шеф считается самым завидным женихом в компании, меняет девушек как перчатки и, несмотря на наличие у него невесты «там» (на вопрос Валечки, где там, Манана ответить

не смогла – слухи же!), он еще водит шашни с дочерью технического директора – красоткой Леночкой. Оказалось, что последняя работала в нашей бухгалтерии, и по признанию Мананы, не проходило дня, чтобы она не заглядывала в отдел к Гордееву.

– Не знаю, Машка, что-то не верю я в наличие у нашего Дмитрия Саныча невесты непонятно где, – скептически хмыкнула однажды Валечка, догрызая печенье. – Иначе зачем ему крутить лямур с дочерью технического на глазах у отца и портить себе карьеру? Наверняка это Вадим Спиридонович и открыл Гордееву собственный отдел, – кивнула своим выводам девушка. – Точно тебе говорю! А свою Леночку метит ему в жены.

Ну, метит и метит. Мне-то что? Какая разница? Мне бы подарки детям под елку купить и за квартиру заплатить. Поэтому я послушала, пожала плечами, да и пошла себе к кофе-машине за порцией кофеина.

Правда, вечером, когда засыпала в собственной кровати, все же представила себе невесту Гордеева. Воображение нарисовало высокую сухопарую девушку с кислыми губами и холодным взглядом, как у Димки.

Интересно, они когда целуются, у них лица не стучат, как две ледышки?

А на следующий день у нас в отделе появилась Леночка, и я поняла, что воображению доверять нельзя.

Сначала я слышала голос – высокий и тонкий, со скрытыми нотками нетерпения. Думаю, вздумай обладатель такого голоса на кого-нибудь закричать, все бы тут же от визга закрыли уши. А еще думаю, что в детстве такой голос мог принадлежать очень капризному ребенку. И если бы у меня спросили, какой я себе представляю Леночку, услышь я лишь ее голос, я бы ответила, что длинноволосой блондинкой с губами пуш-ап, голубыми глазами и 3D-рес-ницами.

На деле же дочь технического директора оказалась высокой коротко-стриженной брюнеткой, кареглазой, бледной и тонкой, с татуировками на шее, щиколотке и в области крестца. Нет, конечно же, когда она появилась в отделе в брючном костюме и на каблуках, мы татуировок не увидели. Но девчонки быстро нашли ее Инстаграм и показали. Ну, а я из любопытства посмотрела (ну, а что еще делать на обеде-то?).

Красиво, скажу я вам. Прямо, вау! Но если бы на меня в темноте с чужой худосочной попы посмотрели вот такие же дюймовые кошачьи глазки... честное слово, мне бы стало не по себе.

А так не по себе стало Валентине, когда эта Леночка появилась в нашем отделе и наткнулась на Галанину. Я была так увлечена добычей важной информации по насосным агрегатам, сидя в своем закутке и стуча пальцами по клавиатуре (еще чуть-чуть, и я смогу найти поставщика!), что пропустила ее фееричное появление. Зато успела заметить,

как незнакомая брюнетка, стуча каблуками, отходит от стола ошарашенной Валечки и заходит в кабинет Гордеева.

Хлоп! – двери, ведущие в кабинет начальства, закрылись, и по тихому офису пронесся недовольный шепоток.

– Вот мырма! – не выдержал Юрка, высунув нос из-за пластиковой перегородки. – Нет, ну вы видели? Кто эта коза?

– Это не коза, Шляпкин! Это курица, которая кого хочешь склюет! – фыркнула со своего места Манана.

– Х-м-м, – недовольно нахмурил брови и покачал головой интеллигентный Игорь. – М-да-м-с, – протянул, – дела.

– И все-таки? – не унимался Юрка. – Для нее что, отменили правила вежливости? Что за персонификация сознания, твою мать?

– Эй, а что случилось-то? – вслед за Юркой и я высунула голову из закутка и повертела ею по сторонам. – Это кто был, ребята?

Валечка сидела белая, как мел.

– А это всего лишь была Леночка Петухова, – объяснила Манана, скривив лицо. – Дочь самого Вадима Спиридоновича! Зашла в гости к нашему, – скосила она миндалевидные глазки в сторону кабинета начальства, – а тут Валечка!

– И что? – ну да, вообще-то у меня промышленные насосы на повестке дня, могу и тупить слегка.

– А то! – кивнула девушка. – Вот ты, Маш, когда Валентину впервые увидела, о чем подумала?

– Я-то? – я пожала плечами. Посмотрела две секунды в

потолок. – Точно не вспомню, но, кажется, меня поразил ее стол, заваленный бумагами. Контора тогда не справлялась с проектной документацией и Девятко посадила меня к Вале на подмогу.

Манана снова фыркнула и махнула на меня рукой. Мол, сиди, Малинкина, с тобой все ясно!

– А ты, Юра? – обратилась девушка к Шляпкину. – Только честно!

Тот с серьезным видом почесал подбородок.

– Прости, Валь, но я скажу, как на духу. Ну, я подумал: «Черт! Какие большие у этой девчонки буфе... эк-хм, глаза. Вот бы в них посмотреть».

– Вот-вот! – ткнула пальцем в его сторону Эристави. – Слышала? Вот и Леночка пришла к нашему, а тут вдруг Галанина нарисовалась! Сидит, красота первородная, непонятно откуда взялась, да еще и в опасной близости от Дмитрия Саныча. Вот смотрит Леночка на ее «глаза», и думает: от чего мир ко мне так несправедлив? Кому-то сдоба с маслом, а кому-то голый шиш! – Манана фыркнула. – Клюну-ка я эту красоту побольнее, чтобы не улыбалась так широко дорогому Димочке. И ведь клюнула, язва!

– Так а что она сказала-то? – не унималась я. Нет, ну интересно же!

– Она сказала, что у меня в зубах застрял шпинат. И что в следующий раз, когда меня спросят, у себя ли Дмитрий Александрович, мне не стоит улыбаться так широко – это

неуместно в рабочей обстановке. И что лично она, глядя на меня, сомневается, понимаю ли я разницу между стриптиз-баром и офисом серьезной компании.

– Ого.

– Ага, – Валечка совсем скисла.

– Ой, я про шпинат и зубы в кино видела! – вставила свои пять копеек Манана. – Дешево и не оригинально!

Я согласилась.

– И я видела. А это значит, Валюш, что своего воображения у этой цыпы нет! И вообще от природы куцый умишко! Ну и что, что она дочь технического директора? Разве это дает ей право всех оскорблять?!

– Малинкина!

– А? Что? – я чуть не свалилась с перегородки.

Закуток у меня был крайний, и чтобы видеть ребят и говорить громким шепотом, пришлось забраться на стул, который, естественно, тут же отъехал.

Гордеев стоял на пороге своего кабинета и наблюдал за тем, как я исчезаю за заграждением.

– Мария, не могли бы вы зайти в мой кабинет?

– Прямо сейчас? – То есть в кабинет, в котором сидит та самая Леночка, которая Петухова, и которую я не рассмотрела? А чего мне там делать-то, интересно?

– Именно!

Но, как говорится, на фронте приказы командира не обсуждаются, а у нас тут все-таки команда, как ни крути, и пе-

редовое поле работы.

Я вздохнула, поправила стул, клавиатуру, бумаги, убрала карандаш и ручку в ящик стола, но, передумав, вернула все на место. Открыв новую пачку стикеров, прилепила один на картонный скоросшиватель. Подумав, прилепила еще один с другой стороны, чтобы красивее было – люблю симметрию!

– Машка, ну ты чего? Он же ждет! – шепнул Юрка, заглянув за перегородку сбоку. – Не зли начальство, если не хочешь проблем!

Проблем я не хотела – ни себе, ни Шляпкину, ни расстроенной Валечке, поэтому поправила юбку, волосы, и пошла к Гордееву. Но по дороге ноги немного тряслись – а что, если его гостья услышала все, о чем я тут говорила? Справедливости, конечно, хочется, а вот работу потерять нет.

Гордеев стоял на пороге, в проеме открытой двери, как всегда в белоснежной рубашке, галстуке и темных брюках, и чтобы оказаться в кабинете, мне пришлось примериться и протиснуться возле него бочком.

Ничего себе! Ну и плечи! Хоть бы развернулся, что ли. У, шкаф!

– Да, Дмитрий Александрович? – дверь за спиной закрылась, послышались уверенные шаги, и Гордеев занял место за своим столом. Вскинув руки, поддернул повыше рукава рубашки и сцепил пальцы в замок.

– Знакомьтесь, Мария, это Елена, – указал мне подбород-

ком на девушку в костюме. — Она бухгалтер и ведет наш отдел. Мне нужна от вас кое-какая информация.

Я посмотрела на брюнетку, она на меня, и обе кивнули.

Фу-ух, от сердца отлегло. Значит, не слышала. А оценивающий взгляд я как-нибудь переживу. Ничего, и не такие взгляды приходилось терпеть. Особенно от старух на лавочках, когда только родила без мужа.

— Малинкина, в вашем резюме сказано, — важно начал Димка, — что вы работали с коммерческой документацией.

— Да, работала. Хотя моя работа больше касалась предметно-практической стороны и аналитики интересных тендерных предложений. Наша фирма не заключала крупные сделки. С технической документацией я тоже работала, но опыт небольшой.

— К сожалению, Мария, что касается сделок в вашей фирме, вынужден вас разочаровать. Я владею иной информацией. Однако сейчас меня интересуют другой вопрос.

— Слушаю.

— В данный момент на рынке есть предложение и поставщик. Сегодня утром от заказчика пришел еще один список оборудования, заявленный на новый тендер. В ближайшее время от вас мне понадобится информация по этому тендеру, а Елене — помощь в составлении сметы. И да, Малинкина, помните о конкурентах.

— А...

— Так случилось, что это ваш старый проект. Считайте,

что он существенно вырос в масштабах.

– Но...

– Проект обещает быть дорогостоящим, поэтому мы не можем себе позволить его потерять. Полагаю, здесь уместно вам напомнить о премии?

– Подождите. Насосные агрегаты центробежки? Но я смотрела по срокам, этот проект длится уже четыре месяца!

– Длился, – поправил меня Гордеев. – Наш отдел забрал его в работу неделю назад у вашей фирмы, и сейчас я пытаюсь убедить заказчика, что с нами стоит иметь дело.

Ничего себе, вот это новость! Я растерянно уставилась на Димку. Оказывается, наш бывший директор оказался еще хуже, чем мы все о нем думали. И вместо того, чтобы «продавать» информацию заинтересованным лицам, он сам выступал, как посредник, сшибая себе не копейки, а настоящие барыши. Так, что ли? Благо рынок мы шерстили как нечего делать!

Вот ведь подлюга! Хотя бы раз народу с тех сделок нормальную премию выдал! Нет, ну живут же люди, а!

Рука поднялась, как у робота. Захотелось бывшее начальство придушить.

– Могу я увидеть список оборудования?

– Да, пожалуйста.

Гордеев передал мне бумажные листы с распечатанной информацией, и я присела на диванчик. Стала читать.

– Что-то холодно у тебя здесь, Дим, – капризно подала

голос Леночка. – Может, кондиционер включишь?

– Здесь нормально, Лена. Теплее нельзя, резкий перепад температуры вреден для рыб.

– Ну, Ди-имочка!

Я встала. В конце концов, изучить список можно и на рабочем месте, а воркование голубков мне слушать ни к чему. Гордеев что-то быстро писал в документах.

– Дмитрий Александрович, у вас ко мне все? Или вы еще что-то хотели? – спросила из вежливости, подходя к двери. Хотелось рассказать обо всем Юрке.

Гордеев продолжал писать, не поднимая головы.

– Да, хотел, Малинкина. Сделайте мне кофе, пожалуйста. Двойной эспresso с сахаром. И принесите сюда.

Клянусь, я уже успела схватиться за ручку двери, прежде чем до меня дошло.

– Что? – я оторопела. Какой еще эспresso? Но ведь мне не послышалось? – Что ты... вы сказали? – переспросила изумленно.

Димка поднял голову и отложил ручку в сторону.

– Я попросил вас приготовить для меня кофе. Что здесь непонятного?

– Но...

Брюнетка вспорхнула с кресла и пересела к Гордееву поближе. Обернувшись ко мне, застывшей у порога кабинета онемевшей совой, натянуто улыбнулась:

– Действительно, Мария, что? Заодно и мне, дорогуша,

сделайте чашечку! Только смотрите с сахаром не переборщите, терпеть не могу сладкое!

* * *

– Маш?

– А?

– Ты чего стоишь как вкопанная? Выговор, что ли, получила?

– Нет.

– А чего тогда застыла? Или эта язва из кабинета и тебя умудрилась цапнуть, как Валентину?

Я посмотрела на Шляпкина, с интересом таращившегося на меня, и моргнула, сбрасывая оцепенение. Это сейчас что было? Там, в кабинете?

Черты офиса проступили яснее, дыхание отпустило, и грудь вскипевшей волной обожгло понимание. Это что же получается, Гордееву мало моего унижения на собеседовании, так он решил и дальше надо мной измываться?

– Хуже, Юрка. Кажется, об меня собрались вытереть ноги.

Парень вскинул брови и удивленно присвистнул, вытянув из-за перегородки цыплячью шею.

– А ты уверена, что все правильно поняла? – справедливо усомнился.

– Уверена. И знаешь, что самое обидное?

– Что?

– Что я не могу ему ответить тем же.

Сказала хмуро, и направилась по проходу между рабочими зонами к всезнайке отдела Манане Эристави.

– Маш, а что случилось-то? Зачем наш тебя вызывал? – Юрка высунулся дальше, но я лишь отмахнулась от друга листком со списком оборудования.

Интерес к заказу в данный момент упал до отметки «абсолютный ноль». Ноль при том, что я так надеялась стать хорошим инженером, полезным для компании!

– Манана, ты не знаешь, где у нас хранятся рабочие должностные инструкции? – обратилась с вопросом к девушке, нарисовавшись у ее конторки. – Только, пожалуйста, скажи, что они у нас есть!

– Конечно, есть, – удивилась та. – У нас же передовой отдел! – она гордо вскинула голову и заинтересованно почесала длинный кончик носа. – А тебе зачем, Малинкина? Дмитрий Саныч просил?

Я уверенно кивнула.

– Он самый. Еще как просил.

К Гордееву команда отдела относилась с симпатией и пиететом, умел он это – заставить подчиненных себя уважать (с детства, гад, тренировался задирать нос), вот и сейчас Манана уважительно ткнула пальцем за спину.

– Посмотри в самом дальнем шкафу в разделе с папками. Должны быть, с синими корешками. Только их до сих пор никто не изучал. Лежат там для галочки по требованию раз-

ных инстанций.

– Ничего, – я поблагодарила девушку, развернулась и решительно направилась к шкафам. Пообещала всерьез: – Значит, Дмитрий Александрович будет первым!

– Что?

Пришлось и от Мананы отмахнуться списком с оборудованием. Какая полезная, оказывается, вещь – этот список!

Все инструкции оказались на месте, как и запас дорогого хозяйского кофе, нашедшийся в подсобке в отдельном шкафчике, плюс сахар и чашка – одна. М-да, а кофе-то у Гордеева отменный. И пахнет бесподобно. Наверняка и на вкус самый лучший. Вот если бы Димка не был таким гадом, я бы, может, и позавидовала его вкусу и возможностям, а так лишь огорчилась, что я не змея и не в моих силах сцедить в этот кофе яд. Особенно в чашку для красоты Леночки, приправив его листиком пережеванного шпината.

Тоже мне, «дорогушу» нашла!

Ладно, прорвемся. В конце концов, приготовить чашку кофе – это не целый день детям менять подгузники, варить кашу и вытирать сопливые носы. Хотя сейчас я бы предпочла оказаться со своими малинками.

Я налила кофе, сунула папки под мышку и пошла в кабинет начальника. Вошла, не постучавшись – руки-то заняты! Пришлось открыть дверь ногой. Леночка что-то бойко рассказывала моему бывшему однокласснику, уже не сидя в

кресле, а нависнув над столом, и очень удивилась, заметив в моей руке одну чашку. Я опустила ее на стол перед Гордеевым, а сверху, одну за другой, водрузила две папки – прямо на напиток.

Гордеев вскинул хмурый взгляд и поинтересовался.

– Это что еще за пирамида Хеопса, Малинкина? Что за новости?

– Это не новости, Дмитрий Александрович, это ваш кофе с прилагающимися к нему должностными инструкциями, – вежливо пояснила я и ткнула пальцем в нижнюю папку. – Вот это – инструкция младшего инженера. А вот это – начальника отдела комплектации. Мне кажется, вам не помешает освежить в памяти их содержание и еще раз вспомнить, какие именно рабочие обязанности закрепляются за человеком в соответствии с занимаемой им должностью. «Сделай мне, Малинкина, двойное эспresso с сахаром», – такого там точно нет, я посмотрела. Если вы так любите кофе, заведите себе личного секретаря, и впредь не обращайтесь ко мне с просьбами, нарушающими профессиональную этику. Либо впишите эту обязанность в мой трудовой договор, само собой с учетом повышения ставки. Во всяком случае, это будет справедливо.

Ого! Как я все складно выдала! Но задетая гордость – это вам не шутка. А моя гордость требовала немедленной сатисфакции!

Гордеев задумчиво смотрел в упор, а вот Леночка сорва-

лась. Да, я не Валечка Галанина, но девушка, кажется, этого еще не поняла.

– Дима, что она себе позволяет? – заморгала глазками и повысила голос на две октавы, заставив меня поежиться: ну до чего же он у нее противный! – Что вы себе позволяете, дорогуша?! – захлебнулась возмущением, открыв рот. – Вы вообще сколько здесь работаете? Без году неделя? Может, вам не нравятся наши условия? Так попрошу с претензиями в отдел кадров! И где, я хочу знать, мой кофе?!

Я развела руками. Вот про отдел кадров – это она зря. Хотела ей улыбнуться, а так лишь холодно отрезала.

– Упс, одноразовая посуда закончилась, а предлагать личную – негигиенично. Попросите Дмитрия Александровича сбегать для вас в KFC и взять стаканчик кофе на вынос. Мне кажется, он не откажется. А у меня, к сожалению, много работы.

Да, я перегнула палку, но эти двое сами напросились. Особенно татуированная язва. Если они с Гордеевым и правда вместе, то так ему и надо!

– Да ты кто такая? – голос брюнетки повысился еще на одну октаву и стал походить на визг. Фу, ужас какой! – Да мой отец тебя...

– Лена, замолчи! Тебе пора.

– Что? Но, Дим! – девушка оскорблено воззрилась на хозяина кабинета. – Она же только что нас обидела. Ты разве не слышал?

– Мы с тобой уже все обсудили, а со своими сотрудниками я сам разберусь. Иди, Лена, мне нужно работать. Список с комплектацией и деталями по заказу тебе Мария позже перешлет по электронной почте. Так, Малинкина?

Глаза Гордеева предупреждающе блеснули, губы сжались, но это он зря. Разве я отказывалась работать?

– Конечно, Дмитрий Александрович, – поспешила заверить елейно. – Непременно перешлю!

– Ну, знаешь! – брюнетка подхватила сумочку и полетела к двери. Выходя, с чувством задела меня плечом и хлопнула последней. – Ну и кадры ты себе подобрал! Одна другой лучше!

Петухова она и есть! Курица общипанная! Я мысленно поддала ей пинка.

Леночка вышла, Гордеев продолжать смотреть в упор, и я не выдержала – слава богу, мы находились наедине.

– Малинкина, как это понимать?

– Это я у тебя хочу спросить, «как», – насупилась, глядя на Димку. – Гордеев, ты совсем офонарел?! Если ты намерен меня уволить, то будь человеком, сделай это из-за несоответствия мной занимаемой должности, если у тебя получится, а не из-за того, что я отказываюсь носить кофе тебе и твоей девушке. Я вам не официантка!

– А с чего ты взяла, что она моя девушка?

– Да мне все равно, чья! Я и так дома по полдня стою на кухне с супами и кашами, чтобы еще и на работе вам тут

кофе варить! Облезешь!

Ответила и направилась было к двери, но, передумав, вернулась к столу, убрала с чашки папки и демонстративно отпила из нее большой глоток, испортив напиток и с удовольствием облизав губы. Этот гордец ни за что после меня пить не станет!

– Вот! Спасибо за угощение, Дмитрий Саныч! Приятного кофепития!

Стукнула доньшком чашки о стол, ну и вышла.

А как вышла, так и струхнула, вернувшись в реальный мир. Это что же теперь будет? Меня уволят?! А как же дети, вкусняшки и телевизор? Малина, ты сошла с ума!

Смелость испарилась, как ни бывало, сердечко заколотилось, и до конца рабочего дня я просидела в своем закутке – мышь мышью. Даже обедать не вышла. Зато список обработала и все подробно расписала.

В конце рабочего дня попросила Юрку передать документы Гордееву. Пусть сам шлет письма своей Леночке! А мне надо домой, к детям.

Но прошел день, за ним второй, а я все еще оставалась в штате отдела комплектации № 2.

Гордеев меня не уволил, но забросал работой так, что всю следующую неделю, если я не бегала по этажам и кабинетам «ГБГ-проект» с договорами, то сидела в своем закутке, забыв о рабочих сплетнях и перерыве на обед, не поднимая го-

ловы. Прибегала на работу пораньше, засиживалась допоздна и мчалась в детский сад на всех парах, но все равно забирала малышей уже из дежурной группы.

Теперь мне было все равно, как приветствуют Гордеева коллеги по утрам и в каких реверансах встречают. Прятаться я перестала, впрочем, как и обращать внимание на присутствие начальства в офисе. Не до того мне стало с новым объемом работы. Если Димка прислушался к моим словам и решил уволить Малинкину за профнепригодность, я решила лечь трупом, но не дать ему ни шанса этого сделать!

Выходные прошли в изучении технической документации, самообучении и обработке дополнительной информации по заказу. Ее я подготовила и сдала в срок. Собралась было выдохнуть, но с понедельника все завертелось с еще большей скоростью. Договорной отдел, технический, печать согласования, утверждение, и бесконечные подписи в важных кабинетах. И если в транспортный отдел и к экономистам я ходила уже, как к своим, то бухгалтерию обходила десятой дорогой.

– Феечка, забери сегодня моих малинок из садика, очень тебя прошу! Не успеваю к семи часам никак! У меня новый заказ, надо обработать. Если успею закрыть до Нового года, получу премию!

– Истощение ты получишь, Малина, и нервный срыв! Машка, ты там рекорд по самоистязанию решила побить? – возмутилась Наташка. – Или Гордееву сказать не можешь,

чтобы он тебя меньше эксплуатировал? Где это видано, чтобы человека на новой работе так впрягали? Ты же инженер, а не йог!

– Могу, и даже сказала. Знаешь, что он мне ответил?

– Что?

– Если вас, Малинкина, не устраивает должность младшего инженера, я готов вам предложить место моего секретаря.

– Что?! Неужели Димка так и сказал?!

Я вздохнула.

– Ага, можешь мне поверить. Даже голос не дрогнул.

– Вот га-ад! Ты подумай! А был такой красавчик!

Справедливости ради, глагол «был» в предложении Феякиной прозвучал лишним, и неожиданно резанул слух, но возражать подруге я не стала. Что мне до внешности Гордева, будь он хоть трижды мистер Вселенная? Это пусть та-туированная Леночка красотой Димочки упивается, залезая на стол, а я своего начальника знаю, как облупленного.

У, сноб! Не удивлюсь, если он и чашку после меня выбросил!

– И не говори. Все мне кофе простить не может и свою язву! Наверняка она ему мозг визгом выпилила, чтобы Димка меня уволил, вот он и старается. Ничего, Феечка, мне главное доказать, что я не пустое место, а там в другой отдел попрошусь. Вдруг мне не откажут.

– Ты только держись, Марусь! А детей я заберу, не переживай!

Держалась я молодцом. Впрочем, весь отдел перед Новым годом оказался завален работой. Юрка бегал за советами к Девятко и пыхтел над отчетами по нашей старой фирме, Манана ссорилась с тихим Игорем, Валечка продолжала сносить уколы Леночки, появляющейся в отделе с завидной регулярностью, а я второй день торчала в приемной у двери секретаря заместителя генерального в надежде отдать свой проект на важную подпись. Гордеев ясно дал всем понять, что заниматься подписями не будет.

Дверь открылась и из нее вышла парочка. Я чуть не стукнулась о них лбом, так стремительно подскочила с места.

Ну, конечно! Куда интереснее, пока твой коллектив работает, заниматься красивыми женщинами. Кто бы спорил!

Гордеев стоял в приемной с белокурой красоткой, сиял, как начищенный медный пятак, и помогал молодой даме накинуть на плечи норковую шубку. Так старательно помогал, работая локтями, что обойти их не получалось ни с одной стороны. Пришлось стоять и глазеть на воркование целую минуту, пока секретарь замгенерального не сбежала. Выскользнула из двери своего кабинета и скрылась в соседнем, принадлежащем коммерческому директору, бросив мне поверх плеча:

– Не видите, я занята, девушка! По рабочим вопросам приму вас позже. Сегодня у нас важное совещание!

Чего?! Да ну нет же! Вот черт! Куда позже-то? Какое еще

совещание?! Чтобы вы знали, я и так тут два дня торчу из-за одной подписульки! Которая, между прочим, не лично мне нужна, а вашей супер-компании! Трудно вам, что ли, взять и расписаться? Что значит занята?! У меня, может, тоже работы полно! А я тут должна стоять, ждать и смотреть, как мой начальник хвост распускает!

Вот уж не ожидала, что у гусей он пышнее павлиньего!

Но, конечно же, обо всем этом я только подумала, а не произнесла вслух. Проводила тоскливым взглядом сначала секретаря, потом Гордеева с дамочкой... и потопала в свой отдел отрабатывать сверхурочные. Подпись-то я не получила, а время потеряла. Требовалось срочно нагнать упущенное.

– Малинкина, ты думаешь идти домой или нет? На часах половина девятого.

Я как раз стояла у блока МФУ, сканируя документы в электронный формат, когда Гордеев вышел из своего кабинета и остановился за моей спиной. Я даже вздрогнула от неожиданности.

В офисе уже никого не было, мы стояли одни, и я не стала миндальничать. Как-то напрягло внезапное ощущение крупной фигуры у плеча. Не привыкла я к этому.

– А тебе-то что? Иди себе. Не ты же отдел закрываешь. А у меня работа.

Ответила, достала бумаги из блока и вернулась к себе за

стол. Уселась, поймав рукой мышку. Осталось только упорядочить все по электронным папкам, и вуаля! На сегодня я свободна!

Гордеев ушел, но не успела я вздохнуть, как в офисе погас свет. Совсем. Компьютер работал, но все равно стало не по себе – по ощущению, словно оказалась одна в подводной лодке. Я медленно поднялась и огляделась.

– Эй, что за шутки? Если это ты, Гордеев, то я в темноте тем более не смогу одеться и найти выход. Слышишь?

Ну, конечно, это Димка, кто ж еще. Включил свет и уставился на меня с прищуром, сунув руки в карманы дорогого пальто.

– Жду пять минут и ухожу. Ты ошиблась, Малинкина. Именно я всегда последним закрываю отдел.

Ну, надо же! В каком месте драматической сцены предполагается гордо выпятить грудь и начинать себя уважать? Целых пять минут его драгоценного времени, и все потрачены на меня?

Или Гордеев меня переоценил, или никогда не видел, как женщины бегут с работы к детям.

Я молча встала, выключила компьютер, надела пуховичок, натянула шапку, схватила сумочку и через минуту вышла в двери. Через четыре я уже буду на полпути к остановке! А он, если очень хочет, может и дальше стоять с секундомером!

Не захотел. Зашел следом за мной в лифт и встал у пле-

ча. Интересно, он в одеколоне купается, что ли? Нет, пахнет приятно, даже очень. Не зря к нему девушек тянет, как магнитом. Чем-то горьковато-морозным, с ноткой неожиданно-го тепла. Словно гордость обрела запах и обещание. Но просто странно, что...

Что?

Что я тут стою и о ерунде думаю!

– Идем, Малинкина, я тебя подвезу.

– Чего? – я так уверенно стартанула с места, что ноги разъехались, когда Гордеев вдруг поймал мое запястье и повернул к стоянке.

Хорошо, что удержал. Если бы упала, ей богу, стукнула бы Димку сумкой, и плевать на субординацию. Нельзя женщинам так резко менять пешее направление. Особенно тем, у кого включена космическая скорость, а на ногах каблуки.

– Эй, вот еще! Спасибо, не надо!

– Это не предложение. Завтра будешь дуться, а сейчас поехали. Поздно уже. Не хочу, чтобы у меня перед Новым годом завис заказ из-за твоего опоздания.

Да когда это я опаздывала? Что он выдумывает? Каждое утро бегу на работу, как спринтер к финишу на пределе возможностей! А если и опоздала пару раз, так всего же на минуточку!

– Никуда я с тобой не поеду, Гордеев! – вспылила. Будет он мной еще командовать! В офисе – это одно, а за его пределами – извините! Сам обозначил границы – получай! – Я с

незнакомцами не езжу, понятно? Мало ли, что у тебя на уме?

Гордеев остановился возле черного дутого Porsche (уж кто бы сомневался!), достал из кармана ключи, отключил блокировку замка и, открыв переднюю дверь, забросил внутрь кожаную барсетку.

– И что, по твоему мнению, может быть у меня на уме? – выпрямился, заслоняя широкими плечами обзор. – Кроме того, чтобы отвезти тебя домой?

Ну, если честно, то под карим взглядом, блестящим в вечернем освещении парковки вопросом, ответы, вертевшиеся на языке, показались жалкими. Ну, не на честь же мою ему зариться и кошелек? Ясно же, что в женском внимании у парня недостатка нет, а в финансах тем более. И все же промолчать не смогла.

– Да мало ли, что? А может... может, ты мою сумочку хочешь сдернуть! В ней, между прочим, бутерброд – я в обед не успела съесть. Ты, случайно, не голоден?

Гордеев сглотнул.

– Нет.

– Правильно. Ты меня, можно сказать, второй раз в жизни видишь, с чего бы тебе хотеть мой бутерброд? Гордеев, а вдруг я преступница? Не боишься со мной ездить по улицам? Нет, давай лучше прощаться. Ты себе езжай, а я побегу...

– Садись, Малина! Пока я тебе выговор не влепил и отработку!

Секунда, и я оказалась в салоне, даже моргнуть не успела. Щелкнул ремень безопасности, и я оторопела. Подняла голову и заглянула Димке в глаза.

– За что это? – ахнула. Он может.

– За пререкание с начальством!

Ехали молча. Район, в котором находилась наша старая школа и где мы все когда-то учились, Гордеев знал отлично. Мой дом располагался в соседнем, поэтому парень удивился, когда я назвала ему незнакомый адрес.

– Ты переехала?

– Нет. Здесь живет Наташа Феякина, моя одноклассница. Мне нужно забрать детей.

О том, что Феечка и его одноклассница тоже, говорить не стала из принципа. Мало ли, какого характера у Димки амнезия? Зачем человека травмировать воспоминаниями? Захочет, сам вспомнит.

Гордеев о детях тоже промолчал. Ясно, что в курсе. Но когда подъехали к дому, и он увидел Феякину у подъезда, взял и вышел из машины. Дети бегали по снежной площадке.

У Феечки при появлении бывшего одноклассника открылся рот, да так и не закрылся. Пришлось помочь и прикрыть его подружке ладошкой.

– Знакомься, Наташка, мой начальник собственной персоной. Дмитрий Александрович.

– Здравствуй, Наташа. Сто лет тебя не видел.

– О-ой, Димка! Неужели это ты?! Какой стал важный! – расцвела та, и я не поверила своим глазам, когда Гордеев наклонился и чмокнул Феечку в щеку, приобняв подругу за плечи.

О чем они там говорили – слушать не стала. Поймала малинок и усадила в машину. Раз вызвался, пусть и домой везет, нечего филонить! Но стало обидно – чем я-то хуже?

Разве я ему не обрадовалась, когда увидела? Значит, Феечку он вспомнил, а Малинкину нет?

Все-таки все дело в Кирилле Мамлееве и их семье, другого объяснения нет. Ну и ладно. Чихать я хотела! У меня есть мои малинки, а больше мне никто и не нужен! Вот и сейчас обернулась к детям и поправила на головках шапки, погладила морозные щечки.

Они притихли, оказавшись в салоне чужой машины, но терпении хватило ненадолго, мы не виделись целый день, и как только Гордеев отъехал от дома Наташки, малыши привычно затарахтели.

– Мам! Мам!

– Что?

– А Ирина Ивановна в садике сказала, – звонко начала дочка, – что на Новый год я буду Снежной королевной!

– Королевой, Даш.

– Мам, а ты купишь мне платье? Мам, я хочу настоящее, как в мультике! А туфельки? Мам, я хочу корону!

– А я буду оленем! Мам, а олени – они же хорошие жи-

вотные? Не кусаются?

– Хорошие, Леша.

– И добрые?

– Очень добрые.

– Тогда я хочу рога! Я буду бодаться!

– Мам, а у Насти Коваленко такая кукла красивая, ей папа подарил. У нее есть платок, сумочка и даже кеды. А еще она умеет говорить. Ты мне купишь такую же?

– Э-э, нет, Даша.

– Почему? Потому что у нас нет папы?

Я коротко и с опаской покосилась на Гордеева. Он продолжал молча вести машину, сосредоточившись на дороге. Я обернулась и тихо шикнула на детей, чтобы вели себя тихо. Но какой там!

– Ма-ам?!

– Да куплю, Даш! Не такую, но куплю! Только зарплату получу, хорошо?

– А я хочу башенный кран. И гонку! Мам, а почему мне Мишка не дает играть? Он что, жадина?

Господи, поскорее бы приехать.

– Ма-ам, магазин! Ты обещала, что если мы будем у тети Наташи себя хорошо вести, ты купишь нам батончики Тедди! – вдруг дружно прокричали дети, и я попросила Димку:

– Э-м, Гордеев, ты бы мог здесь остановиться? На минутку. Я быстро!

Гордеев ничего не ответил, но притормозил. Выскочив из

машины, я галопом помчалась в магазин и таким же галопом обратно, топая каблучками по сколкому тротуару. Всучив детям в руки по батончику, сердито погрозила малинкам пальцем:

– И больше у меня ничего не просить! Поняли?

Замолчали. Но первой не выдержала Дашка. Она у меня любопытная, все ей надо знать. И так, бедняга, долго терпела. Пока ела батончик.

– Мама?

– Что?

– А кто этот дядя?

И ведь попробуй не ответь – сама у него спросит. Вон, с каким интересом незнакомца рассматривает, чтобы потом бабушке рассказать.

– Это с работы, Даша. Мой начальник.

Сказала, и тут же захотелось зажмуриться и вжаться в сиденье, потому что умница дочка распахнула глаза и довольно выдохнула:

– Это который важный, как гусь лапчатый, да?

А Лешка добавил:

– Нет, Дашка! Я слышал, мама говорила, он индюк павлинозадый! Правда, мам?

– Леша, ну как тебе не стыдно! За мной глупости повторять! – постаралась я сохранить лицо. – Это... это я про другого дядю говорила. Не про этого.

Ну и выдержка у Гордеева! Едет, даже взглядом не ведет.

Я честно две минуты терпела, затем минуту пыжилась, пока дети подозрительно тихо на него таращились (ведь догадались, что о нем, миленьком). А потом... А потом, не выдержав, расхохоталась до слез.

Так ему и надо! К черту, пусть высаживает. Не могу!

– Мам, а этот дядя еще приедет?

– Нет, Даша, не думаю. Скажите дяде спасибо!

Дети завозились, выползая из машины, а я стояла и улыбалась – ну, не отпустило меня, и все тут!

Спасибо Димке, не высадил. Довез до места, зыркнул темным взглядом на моих малинок, и уехал. Сорвался с места так, что снег под колесами заискрился!

– Маруська, я не поняла, что это было? Откуда Гордеев взялся? Точнее, откуда он взялся, я догадалась. А вот как в его машине оказалась ты – вопрос!

Наташка, словно высчитала момент, когда я войду в квартиру и хлопну дверью, тут же позвонила на сотовый. Я даже разуться не успела.

– Феечка, подожди, я хоть сапоги сниму.

– Да какие еще сапоги, Малина? – возмутилась подруга. – Издеваешься? Меня же сейчас от любопытства разорвет! На молекулы! Давай рассказывай, пока я к тебе сама не приехала за новостями с бутылкой текилы!

Здоровье подруги было мне дорого, собственный сон тоже, поэтому пришлось рассказать всё, как есть. И про свет,

и про сумочку, и про рабочий аврал, в который мы попали всем отделом.

– Так что Гордеев для себя старается, Наташка. Нужен ему этот заказ – факт! Может, он мне так бонусы решил вернуть за сверхурочные. А может, за кофе извиниться. Да не знаю я, Феякина, зачем!

– Все равно, могла и предупредить, Машка! Я бы хоть ресницы покрасила! Чуть в обморок не грохнулась, когда его увидела. Я же по нему пять лет сохла! А тут стою на морозе в шлепанцах, с крендебобелем на голове – звезда районного гламура, и тут бац – он, Гордеев! Блин, Малина, такой красавчик, так и съела бы! А как от него пахнет! Ты помнишь, как за ним наши девчонки бегали? А он хоть бы одну в кино пригласил! Я его как обняла, прямо школу и вспомнила!

– Ну... а может, он приглашал, Наташка, – я все-таки стащила сапоги сначала с себя, а затем с деток. Сняла комбинезоны и шапки. Малинки тут же помчались в комнату. – Ты же не можешь обо всем знать. И потом, выдохни, Феечка. У него сегодня было randevu с горячей блондинкой, сама видела. Димка перед ней так хвост распустил, так старался произвести впечатление, что чуть мне в глаз локтем не заехал. А еще ему брюнетка проходу не дает. Я уже молчу о невесте, которая по слухам где-то есть.

– А я и не спорю, что он гад, но аппетитный до не могу! – согласилась подруга.

– Кстати, как там Жорик? Не объявлялся? – перевела я

тему. Жора Либерман был нашей общей болью. За Феечку я переживала, как за себя.

– Ой, не бери раны, – сразу огорчилась Наташка. – Объявлялся. Пришел сегодня с чемоданом, но я его домой к Крокодиловне отправила. И тапочки отдала – подмышку сунула! Сколько можно? Надоело. Я замуж хочу, детей. Я же их люблю, Машка! А он – «мама, видите ли, не переживет». Да почему я из-за какой-то старой ревнивой стервы должна травиться контрацептивами? Значит, о маме он подумал, а обо мне нет? Вот возьму и выйду замуж за первого встречного, я так ему и сказала! И рожу!

Наташку я знала, у нее ума хватит и не на такой поступок. А потом будем вместе реветь.

– Но ты же Жорика любишь, Наташ. А он тебя.

– Люблю, – грустно вздохнула подруга, признавая мою правоту. – Любовь зла, полюбишь и козла. Знала бы ты, какие у меня мужики в клиентах водятся, презентами задают, а меня заклинило на этом дрыще тонконогом. Тьфу!

Ну, тьфу или не тьфу, а ссора на этот раз у Феечки с Жориком вышла серьезная и долговременная. А тут еще и у меня работы привалило через край. Совершенно не осталось времени на подругу.

– Наташ, а давай Новый год у меня встретим, а? Я торт испеку твой любимый. А хочешь, в деревню к моим съездим? Ты же бабулю знаешь, она кому хочешь мозги быстро на место вправит.

- Что, Малина, напьемся и в лес? Зверье пугать?
 - А почему бы и нет? Чем мы с тобой не Снегурочки?
- Феякина вздохнула, помолчала, и согласилась:
- Вот-вот. Такие же дурочки и есть!

А ночью мне снова снился сон. Золотой туман расступился, облака поднялись, и я оказалась в заснеженном зимнем лесу. Рыхлый снег теплым пухом стелился под ноги, распущенные волосы лежали на плечах, а вокруг стояла такая чистая красота, что словами не описать – сказочная! Захотелось набрать в легкие студеной воздух, обернуться и крикнуть: «Эй, где же ты?». Тот, по чьей воле я сюда пришла. И так жаль, что имени не назвать.

И вдруг увидела. Да вот же он! Тот, который сильный и красивый, как Бог! Стоит спиной между изумрудными елями, вокруг снег, а он, вы только подумайте, в одном полотенце на бедрах и босиком! Ну, чисто тебе Тарзан-Иванушка! На широких плечах блестят капли влаги, сильные, красивые руки опущены, и волосы закрутились на затылке влажными колечками. А вокруг тела пар.

В проруби он купался, что ли? Или после баньки решил остудиться? А может, он по жизни такой горячий?!

Посмотрела на себя и ахнула. Да я же и сама обнажена! Стою среди леса, в чем мама родила, и не краснею. И тут же руками себя прикрыла. Ой!

А потом подумала и руки-то убрала: я же вроде как хочу

его? Разве нет? Да и не стыдно ни капельки. Это же он, мужчина моей мечты! Вот сейчас как обнимет, и я пропаду!

– Маша, ты пришла!

– Да!

И от этого тихого, проникновенного «Маша» грудь потяжелела, в животе вспыхнул жар, и все вокруг подернулось дымкой. О-ох...

Мужчина мечты повернулся и протянул руки. О, Боже! Колени подкосились...

Что-то в его лице показалось знакомым, но не успела я понять, «что», как взгляд заволокло то ли туманом, а то ли густым паром.

Эй, я не поняла! Что за гадство! Пожар, что ли, в лесу? Откуда так валит-то?

– Маша! – растворилось в белом мареве, и я возмущенно замахала руками, разгоняя досадную помеху.

– Стой! Подожди, я тебя не вижу! Э-э-эй, ты где, Тарзан Иванович?!

Ну вот, так всегда. Исчез вместе с лесом в придачу. И ни снега тебе, ни изумрудных елей, ни облаков.

На сотовом сработал будильник, я проснулась и всхлипнула: а мечта была так близко!

* * *

Утром Гордеев меня не замечал. Ходил по офису важный,

как жук, аккуратный до хруста, едва ли не поскрипывал на поворотах от собственной значимости. Время от времени задерживаясь у стола Валечки, он заглядывал в ее компьютер и что-то объяснял, доводя девушку до полуобморочного состояния. У Галаниной сегодня не сходилась расчет, и она заметно нервничала, скрывая за милой растерянностью панику, грозящую вылиться в слезы. Мы с Юркой и рады были бы ей помочь, но у самих в рабочих моментах подгорало, и времени не хватало даже на то, чтобы по-дружески похлопать подругу по плечу.

М-да, на старой работе в «СНиПТехПромГазе» мы бы уже раза три успели выпить чай и обменяться домашними новостями, а тут даже подумать о еде некогда.

Я схватила из сумки сухарик и бросила в рот. Захрустела всухомятку, набирая текст. Зато маячившая премия окрыляла и добавляла работоспособности, что заметно грело душу и поднимало настроение мечтой о телевизоре и новогодних подарках.

Прибежала Леночка и уставилась на пару Гордеев плюс Галанина, как коршун на зябликов. Закружила вокруг, одергивая на тощих плечах жакетик.

Все же странные создания женщины. От близости начальника у Валечки покраснело лицо, а от взгляда Петуховой – грудь. Как всегда, декольте Валентины соблазняло глубиной и томной ложбинкой, а дыхание от паники частило. Я посмеялась про себя, заметив, как худосочная Леночка скрипит

зубами, заметив, в какой опасной близости от этого декольте оказался Гордеев.

И сама тоже скрипнула: Упс, опечатка в расчете! Теперь исправлять!

– Малинкина! – обернувшись, строго бросил Димка поверх плеча. – Вы забрали сметы в экономическом отделе?

Неужели я хихикнула?

– Да, Дмитрий Александрович, – послушно выглянула из-за компьютера.

– Вам всё подписали?

– Да.

– Пожалуйста, сделайте копию и передайте Елене оригинал. И проследите, чтобы завтра уже подписанная смета была у меня на столе.

– Хорошо, Дмитрий Александрович. Как скажете!

– Дима, – вскинулась Петухова (после сцены с кофе мы с дочерью технического старательно обходили друг друга стороной; быть покусанной не хотелось ни ей, ни мне), – я и сама могу сделать копию и завтра тебе все принести. Не отрывай сотрудников от работы.

– Что значит, не отрывай? Маша непосредственно занимается этим заказом. Она в курсе дела и я ей доверяю.

– Маша? – брюнетка обернулась. Я, как ни в чем не бывало, продолжала вносить правки в документ, делая вид, что ничего не заметила.

О-фи-геть! Он сказал Маша?! Если честно, если бы не су-

харик за щекой, у меня бы тоже челюсть отпала.

А у Леночки сначала дернулись ноздри, а затем глаз. Слово «доверяю» ей не понравилось. Как, собственно, и моя грудь, на которую рухнул ее взгляд, как только я встала из-за стола и вышла из своей конторки. Завистливые глаза скользнули по волосам, спустились на талию... И брюнетка, фыркнув, успокоилась, споткнувшись о мое платье.

М-да, не Италия. Такое точно не могло понравиться ее снобу Димочке. Так чего переживать?

1:0 в пользу Валечки. Я пожала плечами и пошла делать копию, переглянувшись с Гордеевым. Доверяет он мне, надо же!

А на другой день от заказчика пришло одобрение и приглашение на встречу с представителем фирмы, и озадаченный Игорь бодро бегал из кабинета Гордеева ко мне в конторку за рабочими сводками.

– Ну что там, Игорь? – меня распирало от любопытства. Как начальник группы, Буряк был в курсе моих стараний. Сейчас я владела информацией по заказу едва ли не лучше его самого и очень переживала.

– Если встреча пройдет нормально и заказчику подойдут условия, он готов заключить с нами контракт на полную комплектацию рабочего объекта. А это сумма, Маша, ого-го! – поднял палец блондин. – Весь следующий год будем завалены работой под завязку!

От озвученного количества денежных знаков я присвист-

нула. А вот насчет «если» не поняла. Фирма наша гремела именем. Как это при ее авторитете «не подойдут?»

– Ну и? Чего так все суетятся-то, Игорь? Не считая космических перспектив?

Парень вздохнул.

– У нас нарисовался конкурент. Из местных. Его коммерческое предложение выгоднее нашего, и заказчика это смущает. «ГБГ-проект», конечно, сила и гарантия, но деньги все умеют считать. И тендер пока не закрыт.

– Но этого не может быть! – усомнилась я. – Я списки поставщиков самолично составляла! Эти насосные установки и прессы нигде не найти дешевле!

– Вот это-то и интересно, – подтвердил блондин. – Фирму-конкурента мы знаем и, честно говоря, репутация у них не ахти. Но перебить заказ они могут. «Реформ-строй» – может, слышала?

– Что-то припоминаю, но лично ни с кем не знакома.

– В общем, нам необходимо попасть на встречу и убедить заказчика подписать договор именно с нами. Завтра вечером мы с Дмитрием Санычем уезжаем в командировку, так что держи за нас кулаки!

Буду держать! Еще как буду держать! До хруста в пальцах и звезд в глазах! Я же сама проект готовила!

Нет, ну что за дела!

Утро субботы ни о чем думать не могла, только о контрак-

те. Вот что значит жить работой! Все прокручивала в уме детали заказа и сметы. Списки оборудования и ведомости. А в три часа дня позвонил Игорь и грустным голосом сообщил:

– Малинкина, я упал и сломал ногу, представляешь? Вот сию со снимком в травматологии и жду врача. Ступня так опухла, что еле снял сапог.

Я даже сначала не поняла, о чем он. Какая травматология? Какой перелом?

Как отстирывала пятно от шоколада на белой рубашке Лешки, прижав мокрыми пальцами телефон к уху, да так и застыла с выражением на лице «Ась?».

– Ты чего сделал, Буряк?

– Ногу сломал, – извиняющимся тоном повторил Игорь. – И, кажется, не смогу никуда поехать. Маша, выручай! – взмолился. – Заказ и так на волоске! Дмитрий Александрович у нас, конечно, умница, но даже ему нужна опора и плечо. А у тебя вся информация!

– А?

– Поезд, говорю, номер «178-А», отправление в семь часов вечера. Сейчас билет переоформлю на твое имя и пришлю по электронке! Скинь данные паспорта. И смотри не подведи, я на тебя надеюсь!

– Да ты с ума сошел, Буряк! Какая командировка, у меня же дети! – возмутилась я... но тут же сдулась, понимая, что выхода нет. – Но... но как быть с бухгалтерией, Игорь? Все ведь оформлено на тебя?

– Я сейчас Гордееву позвоню и все ему объясню. Пусть решает. Ты видела сумму заказа? Потеряем контракт – потеряем работу, а он – отдел. И опомниться не успеем!

Работу потерять было никак нельзя. И отдел тоже. Как бы я лично не относилась к Гордееву, а с ним и его командой в фирме считались – не зря Димку приглашали на все крупные совещания и планерки, и выписывали сотрудникам премии. Да и работалось мне на новом месте хоть и не просто, зато интересно.

В общем, с Игорем я распрощалась и тут же позвонила маме. Та, как и положено бабушке в выходной день, возилась дома с пирожками для любимых внуков, ожидая нас в гости к ужину. Я как смогла все объяснила родительнице и, едва она появилась на пороге нашей квартиры, схватила наспех собранный чемоданчик, запрыгнула в машину к отчиму и взмолилась:

– Николай Иванович, миленький, гоните! Осталось полчаса до отправления поезда! Если опоздаю, мне крышка! Миллионы из-под носа уведут!

Конечно, прозвучало несколько опрометчиво, но дядю Колю сумма впечатлила, и он послушно рванул с места. Запетлял на легковушке по дороге не хуже гонщика.

– Пристегнись, Маруся! Ни пуха тебе, ни пера! – пожелал уже на вокзале, и дальше я помчалась сама.

– Пропустите! Посторонитесь! Вы не подскажете, где

здесь выход на вторую платформу? Мне нужен третий путь. Как мимо прошла? Поняла, спасибо!

Я торопилась и все равно на поезд едва не опоздала. Когда на сборы отводят ерунду времени, а у тебя в процессе стирка, тушатся тефтели, варится суп, а дети снова и снова просят нарисовать Губку Боба, потому что у них он похож на миньона, надо обладать талантом заклинателя времени или шестью руками, чтобы все успеть.

Хорошо, хоть душ успела принять и не забыла утюжок прихватить с косметичкой. Ну и все необходимое тоже, включая зубную щетку, распечатку документов и мамины пирожки – ни пообедать, ни поужинать я так и не успела.

* * *

Димку я увидела сразу. Уж слишком он выделялся в толпе темным взглядом, непокрытой головой и дорогим пальто на широких плечах. Гордеев стоял на перроне, поглядывал в сторону выхода из подземки и нервно курил, вскидывая к глазам руку с часами на запястье. И только заметив меня, натянул на скулах желваки и важно шагнул в вагон.

– Быстрее, девушка! Через минуту отправление! Давайте ваши документы и билет!

Я показала симпатичной проводнице билет и забежала в вагон. И только очутившись внутри поезда, поняла, что нахожусь в СВ и... растерялась, заподозрив неладное.

Не знаю, о чем я думала, когда говорила с Игорем, когда спешила на вокзал и представляла себе командировку, но уж точно не о том, что окажусь с Гордеевым на пути в другой город в одном купе. Честное слово!

Ведь в одном? Или все же есть удача на земле?

Я посмотрела на билет и осторожно подошла к купе под номером шесть. Распахнув раздвижную дверь, уставилась в середину. Точно, двухместное, повышенной комфортности – мягкое и чистое, совсем не привычный народу плацкарт.

Ну, кто бы сомневался – это же Гордеев! Ноздрей коснулся знакомый запах морозной свежести с ноткой тепла и особый аромат мужского присутствия.

Гордеев снял пальто и оглянулся. Взглянул мрачно. Сам он наверняка пришел к посадке вовремя и уже успел расположиться. На вешалке в полупрозрачном чехле висел костюм. Туда же отправилось и пальто. На столе стояла бутылка минеральной воды и лежала пачка сигарет.

Я посмотрела на нее и сказала невпопад – как будто мне сказать больше было нечего.

– Не знала, что ты куришь.

– Иногда. Редко, – Димка повернулся, протянул руку и вкатил в купе мой чемоданчик, который от волнения все никак не удавалось втащить. – Здравствуй, Малинкина. Ты бы еще завтра приехала, тогда бы точно на встречу успела. Сначала Буряк с ногой, потом ты. Я тут поседею с вами, никакой организованности!

Что? И это он мне говорит? Той, кто, можно сказать, старается на пределе своих возможностей?

Я втиснулась в купе за чемоданчиком, все еще тяжело дыша от спешки – плечи Гордеева загораживали проход. Следом заглянул какой-то мужик, назвав меня Аней, и Димка с холодным раздражением закрыл перед ним дверь.

– Вы ошиблись девушкой, уважаемый. Всего доброго!

Вот хотелось вспыхнуть от его слов о неорганизованности, но, стиснув зубы, промолчала – нам еще вместе ночь ехать. И так друг друга терпеть не можем, зачем и без того накалять обстановку? В какой-то мере он прав: причины не всегда оправдывают следствие. Но я же не виновата, что об этих причинах узнала всего несколько часов назад!

А поздороваться все же придется, как ни крути. Хорошо, что можно вспомнить о субординации.

– Здравствуйте, Дмитрий Александрович. Но ведь успела же. Я, в отличие от вас, поездку не планировала. Как и визит к парикмахеру. У меня на вечер были совершенно другие планы.

– Да? И какие же? Хочется узнать, чем живут мои сотрудники, когда решается судьба отдела.

Метко. Можно сказать, в яблочко.

Димкина бровь поднялась, глаза сверкнули, и я отвернулась. Переставив чемоданчик, сняла шапку, пуховик и убрала одежду на вешалку.

– Не думаю, что вам на самом деле это интересно. И, если

честно, я удивлена, что мы едем в одном купе. Мог бы хоть предупредить! – буркнула. Да уж, субординации надолго не хватило.

– А что бы это изменило? Я собирался ехать с Игорем, а не с тобой, – услышала справедливое в ответ. – Могла сама позвонить и спросить!

Да очень надо! Но удивлена или нет, а поезд тронулся, и мы с Гордеевым сели. Мимо помчались дома. Вопросов на языке вертелось множество, и все рабочего характера, которые желательно было бы обсудить. Я по-прежнему ничего не знала о личности заказчика, о месте встречи и о том, будут ли на этой встрече конкуренты. Вот только с чего начать разговор с начальником, когда он сидит и смущает своего инженера прямым взглядом, придумать не могла. Сегодня Гордеев меня явно замечал.

Вошла проводница и попросила билеты. Заулыбалась Димке, предлагая привлекательному пассажиру, у которого в соседках оказалась не жена (как она в первую очередь успела подумать), кофе, чай и меню из вагона-ресторана.

Я чай тоже ужас как хотела, и даже собралась было спросить, почем стаканчик? Но вспомнив, что нахожусь в вагоне СВ, а наличность в кошельке скудная, решила разжиться кипятком самостоятельно. Благо, додумалась чашку прихватить с собой.

Додуматься-то я додумалась, но вот пойти так и не решилась. Прошел час, а странная пауза в разговоре затянулась.

Так и сидели мы с Гордеевым молча, пока вдруг не отозвался звонком его сотовый.

Голос из телефона слышался женский, и Димка тут же вышел из купе. Закрыв за собой дверь, а я вздохнула. Без его темного взгляда, прищиплившего меня к месту, почувствовала, что будто из полыни вынырнула, и захотелось оглядеться.

Оставшись одна, расстегнула чемодан и достала еду. Сняла сапоги и переобулась в тапочки. В поездках мне приходилось ездить не раз, так что об удобстве передвижения на отечественных железных дорогах я знала не понаслышке и не собиралась истязать себя дискомфортом.

Я так быстро собиралась в дорогу, что не успела дома как следует просушить волосы. Лишь обмахнула феном и в косу заплела, спрятав под шапку. Сейчас же расплела их и перебросила на плечо. Достала футболку и спортивные брюки. Есть хотелось ужасно, и, покусившись на мамин пирожок, выглянувший из пакета, я уже ухватила его за кончик и приготовилась надкусить... как вдруг Гордеев вернулся.

Не знаю, о чем он там говорил с неизвестной девушкой, но, войдя в купе, телефон он совсем отключил и спрятал в карман пальто. Снова сел, весь из себя лощеный и дорогой даже в тонком джемпере и джинсах, и то ли от его холодного лоска, а то ли от прямого карего взгляда, есть пирожок я передумала. Так и вернула нетронутым на место.

В купе стало тихо, лишь мерно стучали колеса и покачи-

вался вагон. Шелестел под моей рукой пакет.

Я знала Гордеева большую часть своей жизни, помнила его по школе и университету, пока он не уехал. Видела на работе в компании важных ГИПов и директоров, интересных женщин. Я должна была догадаться, чем именно его смутит мое присутствие. Почему, откинувшись плечами на мягкую спинку сидения, он будет смотреть на меня так, словно не верит, что это я нахожусь рядом с ним.

М-да уж, в двухместном купе надо ездить либо супружеским парам, либо незнакомцам, иначе о личном комфорте можно забыть. Димка посмотрел на мою юбку, на сброшенные с ног сапоги, скользнул взглядом по кофточке и моему ужину... И если бы мы находились в офисе, я бы стерпела. А тут вдруг увидела себя его глазами, и пространство вокруг стало слишком тесным.

– Слушай, Гордеев, хватит на меня смотреть так, как будто от меня чесноком разит. Я не напрашивалась ехать с тобой в командировку, и в вашу компанию «Гарант» попала случайно. Да, я мать-одиночка и у меня есть дети – это что, преступление? Да, мне нужна эта работа, и я, как могу, стараюсь быть полезной. Ну, давай, скажи уже мне в лицо, что я тебе не нравлюсь, и забудем! Как-нибудь переживу. Или переведи из отдела. Только я такая, какая есть, и другой не буду.

– Я знаю, Малинкина.

– А если знаешь, тогда почему Петухову с собой не взял

вместо Игоря? Было бы, с кем поболтать и разделить светский ужин в вагоне-ресторане.

– А ты почему не пойдешь?

– А мне не по карману! У меня вон, – кивнула головой, – все с собой. И не косись на мои пирожки, хочу и ем, понял? – взяла, наконец, пирожок, и откусила. – У меня нет папы директора. Что заработала, то и мое!

В пакете лежали яблоки, я достала одно и захрустела уже без стеснения, отвернувшись к окну. Надоело. То видит он меня в первый раз, видите ли, то я, оказывается, неорганизованная. Да чихать я хотела на всяких снобов!

За окном уже стемнело, и ничего нельзя было разглядеть. В купе горел свет и, чтобы не смотреть в отражении на Димку, пришлось смотреть на себя – такую гордую и неприступную.

– Он что, никогда тебя не искал? Не помогал?

Ну и вопросец. Я чуть не поперхнулась.

– Кто? – обернулась с открытым ртом.

– Кирилл.

Я напряглась, отложив яблоко в сторону. Взглянула подозрительно, сощутив глаза.

– А тебе-то что до этого, Гордеев? Как будто ты сам не знаешь.

– Не знаю. Мы с Кириллом давно не общаемся.

– Вот и мы не общаемся. Понятия не имею, о ком ты говоришь. Это мои дети, были и будут.

Гордеев смотрел мне в лицо, я тоже. Так и сидели оба, разделенные маленьким столиком, словно два лука с натянутой тетивой.

А глаза у него все-таки красивые – у Димки. Лицо вроде бы холодное, гордое, а глаза – как теплый чай снежной зимой, если подпустит к себе – согреют. Не зря Леночка так старается к ним подобраться поближе. И губы точно прорисованные, права Наташка.

Хоть и заносчивый гордец, а привлекательный, с этим не поспоришь.

– Почему ты мне отказала, Малина?

– Что? К-когда? – я даже растерялась от такого вопроса. Это он сейчас о чем говорит?

– В десятом классе. До того, как стала встречаться с Мамлеевым. Я пригласил тебя в кино, но ты не пошла.

Вот ведь вспомнил, нашел момент.

– Не помню уже. Это давно было.

– А если правду?

Правду? Я замялась. Времени прошло немало, пожалуй, можно и признаться.

– Ты Феякиной очень нравился. Не могла я пойти, она бы месяц ревела.

– Ну и дура.

– Кто, Наташка?

Димка сидел, сложив руки на груди, и смотрел на меня.

– Причем тут Феякина. Ты.

Я не сразу поняла, что он сказал. А когда поняла, задыхнулась от возмущения, не найдя слов. Вскочила, глядя на парня сверху вниз.

– Знаешь что, Гордеев?!

– Что?

– Пошел ты в задницу, умник! Дуру он нашел. Потому что ты мне не нравился, ясно? Каким был в школе гусем, таким и остался! Даже в кино пригласить нормально не мог – билеты он купил, идем. А ты меня спросил? Как ты вообще до Малинкиной снизошел?

Сказав все это, фыркнула, сбросила с ног тапочки и легла на свое место. Отвернулась к стене, сунув руки под подушку.

Поезд набирал ход, я покачивалась под перестук колес, когда вдруг поняла, что не укрыта, а юбка обтянула оттопыренную пятую точку. Как глупо! Наверняка Гордеев сейчас на нее тарашится.

Я нахмурилась и быстро оглянулась, собираясь сказать парню что-то не очень умное... но Димка смотрел на мои щиколотки и ступни в тонких колготках. И я не нашлась, что сказать.

Встала, взяла футболку и брюки, и пошла в уборную переодеваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.